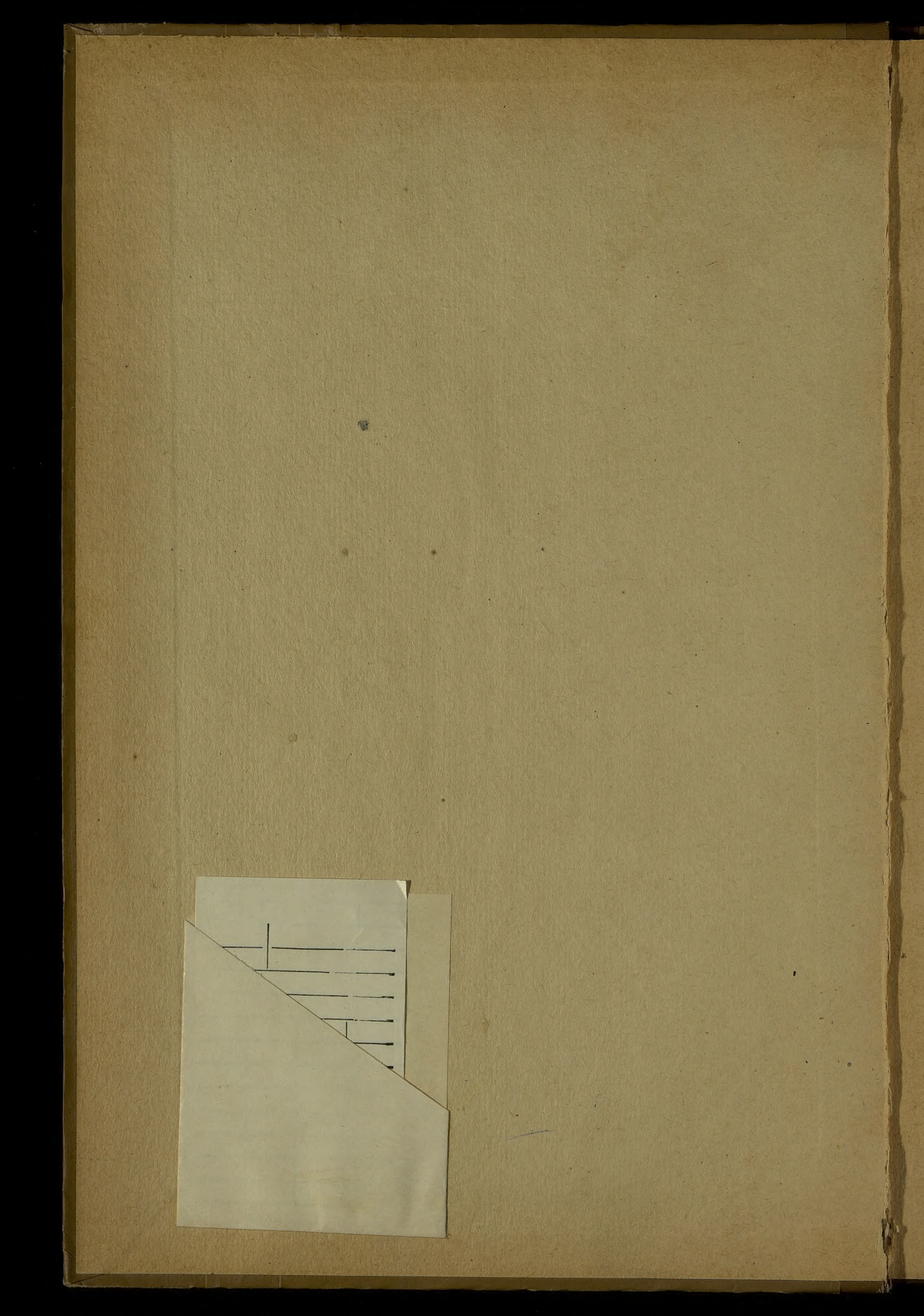
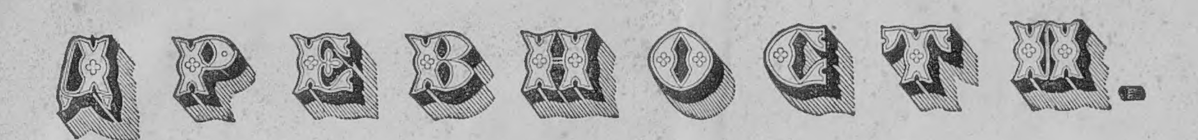
КЕРЧЕНСКІЯ ДРЕВНОСТИ

ОДЕССА

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. БРАУНА.

КЕРЧЕНСКІЯ

О

ПАНТИКАПЕЙСКОЙ КАТАКОМБѢ,

УКРАШЕННОЙ ФРЕСКАМИ.

Одесса.

Печатано въ Типографіи А Брауна

1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатанiи представлено было въ ценсурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Одесса, Октября 19-го дня 1845 года.

Ценсоръ В. Пахманъ.

Его Сіятельству

КНЯЗЮ МИХАЙЛУ СЕМЕНОВИЧУ

ВОРОНЦОВУ.

Въ знакъ глубочайшаго уваженія,
преданности и благодарности

АНТОНЪ АШИКЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Ничего нѣтъ безполезнѣе трудовъ писателя, если они не послужили къ обогаценію умственныхъ нашихъ познаній. Тщетны изысканія и соображенія Археолога, если они не ведутъ къ результатамъ удовлетворительнымъ, если они не проливаютъ свѣта въ тотъ мракъ догадокъ и сомнѣній, который называется Археологіею вообще. Намъ извѣстно, что разсужденія Винкельмана, Каилуса, Горы, Гварначчи, Цега, Демпетеры и другихъ, должны были во многихъ случаяхъ измѣниться и признать превосходство доказательствъ Ланцы, который также и въ свою очередь дѣлалъ ошибки и ошибки важныя. Странно и неумѣстно основывать повѣствованія на началѣ, котораго доказать невозможно и являться истолкователемъ данныхъ, которыя мы знаемъ только по историческимъ свидѣтельствамъ Греческихъ авторовъ: кому не извѣстно теперь, какъ свидѣтельства эти сбивчивы и неудовлетворительны. Діодоръ говоритъ, что нѣтъ народа, который не считалъ бы себя самимъ древнимъ и который не выводилъ бы своего происхожденія отъ сотворенія міра. Ѳукидидъ пишетъ, что до эпохи, въ которой жилъ Геродотъ, Греки ничего не знали о томъ, что относилось до собственныхъ ихъ древностей. Ѳукидидъ, жившій во время Пелопонезской войны, т. е. тогда, когда Геродотъ былъ ужъ старъ, избралъ эту эпоху единственно потому, чтобъ писать о вещахъ положительныхъ. Если Греки, по словамъ Ѳукидида, ничего не знали о томъ, что собственно до нихъ относилось, прежде чѣмъ Геродотъ издалъ свою исторію: то чтоже могли они знать о другихъ народахъ и могутъ ли почитаться достовѣрными тѣ свѣдѣнія, которыя переданы намъ ими? То что неизвѣстно всегда почти намъ кажется превосходнымъ: *omne ignotum pro magnifico est.* Если человѣкъ не можетъ составить себѣ правильнаго понятія о предметахъ отдаленныхъ и невѣдомыхъ, то судитъ объ нихъ по предметамъ извѣстнымъ и предстоящимъ: можно ли послѣ всего этого не увѣриться, что многое изъ того, что сообщено намъ Греками, принадлежитъ большею частію къ ихъ миѳамъ. Наклонность человѣка къ поэтическимъ вымысламъ часто приводитъ его къ неправильнымъ заключеніямъ: такъ поэтъ часто переходитъ въ міръ возможности и на ложныхъ данныхъ основываетъ свои произведенія. Зная, что вымыселъ соединенный съ истиною при-

нять большею частію читателей благосклонно, Антикваріи наполняютъ свои статьи ссылками и фразами или прибѣгаютъ къ пустымъ гипотезамъ: вотъ почему труды ихъ не принесли еще зрѣлыхъ плодовъ.

Говоря обо всемъ этомъ, я не имѣю цѣли выдавать себя за Антикварія оригинальнаго, коего мнѣнія должны считаться безошибочными; нѣтъ, — я чистосердечно сознаюсь въ незнаніи тамъ, гдѣ нѣтъ доказательствъ или гдѣ свѣденія мои недостаточны. Думаю, что тѣ люди, которые занимаются изъясненіемъ памятниковъ древности, должны руководствоваться самою строгою критикою и тогда только принять какое нибудь мнѣніе, когда оно основано на положительныхъ данныхъ и ясныхъ сравненіяхъ. Правиламъ этимъ я слѣдовалъ во всѣхъ изданныхъ мною статьяхъ о Керченскихъ древностяхъ, и буду слѣдовать имъ при описаніи фресковъ керченской катакомбы, составляющемъ предметъ настоящаго сочиненія.

Многіе ученые и любители старины писали о нашихъ древностяхъ, однако изъ всего взятаго вмѣстѣ едва ли можно извлечь нѣсколько страницъ любопытныхъ, которыя послужили бы къ обогащенію нашихъ историческихъ свѣденій объ этомъ краѣ. Труды ихъ, впрочемъ, могутъ быть приняты въ соображеніе при составленіи полнаго сочиненія о древностяхъ Керчи: но думать объ этомъ еще рано. Памятники древнихъ принадлежатъ къ такимъ предметамъ, которые никогда не истощаются, потому что они касаются къ природѣ человѣка и его исторіи: это глубокія тайны, о которыхъ долго, долго еще будутъ говорить. Развалины Воспорскаго Царства повѣствуютъ намъ объ исторіи народа, существовавшаго болѣе двадцати пяти столѣтій: кто можетъ сказать, что понялъ, изучилъ совершенно этотъ таинственный, но краснорѣчивый языкъ древности! Многое уже извлечено изъ развалинъ Воспорскаго Царства; но сколько еще сокровищъ скрывается въ нѣдрахъ его кургановъ, этихъ величественныхъ могилахъ, воздвигнутыхъ надъ гробомъ давно минувшихъ вѣковъ; сколько еще историческихъ богатствъ въ нѣдрахъ классической почвы Крыма, Кавказа и всего Новороссійскаго края, этой страны юной жизнію, но богатой сокровищами воспоминаній! Кому извѣстенъ край нашъ, тотъ не усумнится, что мы можемъ похвалиться предъ Европою нашими древностями; что роясь подъ колыбелью Пантикапеи и Фанагоріи, мы также можемъ имѣть свой Этрусскій Музеумъ, свои классическія произведенія древности, можемъ поспорить съ памятниками Грековъ, найденными въ Италіи. Воспорское Царство было очень значительное и вполнѣ пользовалось общимъ образованіемъ Грековъ. Въ Пантикапеѣ находились великолѣпныя зданія, храмы; но время, ничего нещадящее, стерло ихъ съ лица земли, оставивъ однакожъ основанія, какъ будто для того, чтобъ впослѣдствіи воскресить память

о нихъ. При рытіи фундаментовъ для нынѣшнихъ построекъ Керчи на двѣ, а иногда и на три сажени ниже настоящаго горизонта улицъ находимы были стѣны древнихъ зданій, множество кусковъ мрамора и даже цѣлыя мраморныя капители. Въ 1842 году проведена была по срединѣ одной изъ главныхъ улицъ Керчи канава, мѣстами до трехъ саженей глубины, для чугунныхъ водопроводныхъ трубъ. При рытіи этой канавы найдено, по всему ея протяженію, множество Воспорскихъ медалей, но такъ сильно окисшихъ, что невозможно было очистить ни одной; во многихъ мѣстахъ открыты были цѣлыя стѣны и основанія древнихъ зданій, сложенныя изъ огромныхъ кусковъ керченскаго камня. Все это ведетъ къ заключенію, что Пантикапея погребена глубоко подъ собственными своими развалинами и развалинами построекъ тѣхъ поколѣній, кои смѣняли другъ друга въ теченіе пятнадцати столѣтій. Но будемъ ли удивляться тому, что въ Керчи и на Таманскомъ полуостровѣ нѣтъ видимыхъ остатковъ древнихъ зданій, когда въ Римѣ осталось ихъ такъ мало? Кто имѣлъ случай посѣтить Римъ и любоваться великолѣпными его развалинами,— тотъ легко убѣдится, что зданія Пантикапеи, Фанагоріи и другихъ городовъ, при безпрерывной борьбѣ поколѣній, легко могли совершенно исчезнуть. Прогуливаясь въ Римѣ по развалинамъ дворца Кесарей встрѣчаешь одни только груды земли: нѣтъ и слѣда зданій Лукулла, Красса и многихъ знаменитыхъ фамилій республики; бросьте взглядъ на мавзолеи Адріана и Августа, созданные для вѣчности, нынѣ же разрушенные и получившіе другое назначеніе, — и скажите послѣ этого, можно-ли удивляться тому, что у насъ нѣтъ развалинъ древнихъ зданій? Что отложено, то не потеряно. При усугубленіи разысканій въ Новороссійскомъ краѣ и на Кавказѣ, можетъ быть и мы успѣемъ похвалиться открытіемъ какого нибудь замѣчательнаго древняго зданія. Но пока изслѣдованія не привели насъ къ открытіямъ важнѣйшимъ, я сообщу соотечественникамъ моимъ о катакомбѣ съ фресками, найденной мною въ 1842 году. Плиній младшій, описывая смерть своего дяди, во время разрушенія Помпеи, говоритъ въ письмѣ къ Тациту: счастливъ тотъ кому суждено было совершить подвигъ достойный того, чтобы объ немъ писали или кто успѣлъ написать что нибудь достойное чтенія. Мысль справедливая! справедливая потому, что она основана на вѣчной, непреходящей истинѣ — благородномъ стремленіи къ совершенствованію. Въ ней скрыты высокіе зародыши вѣчнаго умственнаго движенія человѣчества: и тотъ, кто старался, хотя въ нѣкоторой степени, быть участникомъ въ этомъ движеніи, исполнилъ многое въ отношеніи Бога и отечества.

ГЛАВА I.

О древнихъ языческихъ катакомбахъ вообще (а).

Устроеніемъ прочныхъ и пышныхъ гробницъ Этрусски и Греки хотѣли доставить своимъ покойникамъ не только временное, но и вѣчное жилище, какъ пишетъ Марцеллинъ, Сидоній, Аполлинаръ, — *aeternam sedem dare destinaverant*. Покойники почитаемы были какъ боги, гробницы — какъ храмы.

Рисунки этрусскихъ катакомбъ и другихъ гробницъ, найденныхъ въ Италіи, показываютъ съ какимъ тщаніемъ и искуствомъ древніе приготовляли подземелья для погребенія своихъ покойниковъ и для почтенія ихъ памяти. Греки воздвигали знаменитымъ людямъ столь пышные памятники, что законодатели нѣсколько разъ принуждены были укрощать и полагать границы этой роскоши. Павзаній говоритъ о великолѣпіи памятниковъ Ахеянъ и Кориненянъ; онъ также описываетъ тѣ монументы, которые находятся возлѣ Аѳинъ по дорогѣ Пирейской и Керапанки.

Жизнь Пантикапейскихъ Грековъ отличалась блескомъ и утонченностію, подобно жизни другихъ образованныхъ древнихъ народовъ. Въ погребальныхъ обрядахъ они слѣдовали обычаямъ праматери своей Греціи: гробницы Пантикапеянъ объ этомъ свидѣтельствуютъ. До 1834 года ни одинъ изыскатель древностей не подозрѣвалъ, чтобы въ Пантикапеѣ были также, какъ и въ Италіи, изсѣченныя въ скалѣ катакомбы, открытіе которыхъ собственно мнѣ принадлежитъ.

На сѣверо-западной покатости горы Митрадата (за городскою чертою Керчи) видно множество насыпей разной величины, устроенныхъ рядами: это мѣсто можетъ назваться главною *некрополью* Пантикапеи. Курганы эти были раскапываемы разными Археологами, но отъ ихъ вниманія ускользнуло, что подъ этими насыпями скрывалось безчисленное множество гробничныхъ пещеръ.

(а) По мнѣнію Дюканжа, аджіографы, писатели жизни святыхъ, производятъ слово катакомба отъ κατὰ (secundum), τόγαβος (caritas) или τύμβος (sepulcrum). Этимологію эту признаютъ правильною.

Въ 1834-мъ году, производя раскопку упомянутыхъ кургановъ и обозрѣвая ряды ихъ, расположенные съ нѣкоторою правильностію, я замѣтилъ, что у подошвы каждой насыпи, къ сѣверо-востоку, находится не большая впадина, въ которой земля всегда влажна, отчего и трава тамъ зеленѣе, чѣмъ на другихъ мѣстахъ кургана. Подобное замѣчаніе не могло остаться неизслѣдованнымъ. Я предложилъ себѣ вопросъ: для чего сдѣланы эти впадины и тотчасъ приступилъ къ раскопкѣ одной изъ нихъ. Въ глубинѣ полусажени встрѣтили мы скалу, прорѣзанную съ обѣихъ сторонъ на сажень, а между двухъ стѣнъ находилась насыпь; по этому узкому направленію слѣдовали мы дальше и когда прорыли въ глубину двѣ сажени и два аршина, то нашли у противуположной стѣны т. е. ближе къ кургану, полу-круглое отверстіе; — это былъ входъ въ подземелье. Онъ закрывался каменною плитою, сдвинутою уже съ мѣста, отчего я и заключилъ, что подземелье было уже посѣщаемо; входъ, заваленный камнями не иначе позволялъ войти въ погребальную комнату, какъ только ползкомъ: она была длиною двѣ сажени съ аршиномъ, шириною полторы сажени, а вышиною сажень и четыре вершка. По срединѣ катакомбы стоялъ саркофагъ изъ обыкновеннаго керченскаго камня; кости покойника собраны были въ одну кучу; съ лѣвой стороны сдѣланъ въ скалѣ нишъ, въ которомъ лежали три скелета въ правильномъ положеніи. Въ подземельи найдено много земли: просѣявъ ее, я нашелъ нѣсколько кусочковъ золота, украшавшихъ вѣроятно парадную одежду покойника, лежавшаго въ саркофагѣ. Тутъ же отыскано множество обломковъ глиняныхъ сосудовъ, стклянокъ и двѣ разбитыя амфоры: очевидно, что катакомба была ужъ расхищена. Я радовался, однакожъ, что нашелъ ключъ къ разысканіямъ въ этомъ мракѣ таинственной древности. Въ томъ же году открылъ я до двадцати катакомбъ разной величины. Непріятное чувство поражаетъ васъ при входѣ въ эти пещеры, особенно когда удостовѣряешься, что онѣ были уже посѣщаемы; нѣкоторые антикваріи думали, будто строители древнихъ гробницъ сами расхищали ихъ, придѣлавъ къ нимъ тайные входы: это замѣчаніе можетъ дѣйствительно имѣть мѣсто относительно каменныхъ гробницъ, но не катакомбъ. Въ 1835-мъ и въ слѣдующихъ годахъ я опять возобновилъ раскопку катакомбъ, однако не нашелъ ни одной нетронутой; — тѣ же гробницы, которыя найдены въ насыпяхъ надъ пещерами, всѣ почти цѣлы: это я думаю оттого, что хищники не предполагали въ сихъ насыпяхъ еще другихъ гробницъ. Очищая открытыя катакомбы отъ земли, которою онѣ завалены, мнѣ удалось найти нѣсколько монетъ Савромата VII, съ изображеніемъ на оборотѣ головы царя Константина, нѣсколько глиняныхъ лампъ, амфоръ и стклянокъ.

Ученые, которые описывали катакомбы, передали намъ также ощу-

щенія, испытанныя ими при посѣщеніи этихъ мрачныхъ обителей тлѣнія и смерти. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя находиться въ нихъ не испытавъ невольно какаго то таинственнаго ужаса. Въ числѣ открытыхъ мною катакомбъ находится одна, съ тремя отдѣленіями и съ круглыми по обѣимъ сторонамъ отверстіями, чрезъ которыя она сообщается съ другими катакомбами, имѣющими подобныя же отверстія; такимъ образомъ, я нашелъ пять соединенныхъ катакомбъ, составляющихъ девять отдѣльныхъ погребальныхъ комнатъ. Въ первой лежало восемнадцать скелетовъ, по два и по три вмѣстѣ, на особо высѣченныхъ изъ самой скалы лежанкахъ; въ другихъ комнатахъ нашелъ я также по нѣскольку скелетовъ; всего же въ этихъ подземельяхъ находилось сорокъ восемъ покойниковъ, лежавшихъ въ правильномъ положеніи, но въ разныхъ направленіяхъ (а).

Мертвая тишина царствовала въ этихъ чертогахъ смерти: осматривая ихъ при тускломъ свѣтѣ факела, душа моя объята была какимъ то чуднымъ, непонятнымъ восторгомъ. Какъ антикварію, мнѣ слышалось здѣсь вѣяніе крылъ безсмертнаго духа жизни; здѣсь паритъ воспоминаніе и переноситъ васъ къ тому времени, когда Пантикапея гордилась своимъ величіемъ. Въ Тарквиніи, одномъ изъ двѣнадцати городовъ Этруріи, находящемся близъ Корнето, открыты пещеры изсѣченныя въ мягкомъ камнѣ, называемомъ туфъ (tuf). Входъ въ нихъ сдѣланъ съ верху въ низъ посредствомъ круглаго перпендикулярнаго канала; иногда въ пещерахъ находятся квадратныя впадины, называемыя *lacunaria*; всѣ эти подземелья украшены живописью на штукатуркѣ. Пантикапейскія катакомбы также изсѣчены въ скалѣ извѣстково-раковиннаго свойства третьей формаціи, и находятся ниже горизонта нынѣшней дороги на полторы, на двѣ, а иногда и болѣе саженей. Не смотря на неудачу нашу, я не терялъ надежды найти нетронутую катакомбу, которая заслуживала бы полное вниманіе. Въ 1841-мъ году я раскрылъ ихъ нѣсколько и нашелъ наконецъ катакомбу о двухъ отдѣленіяхъ, стѣны которой покрыты живописью.

Рисунки эти, не столько по своему исполненію сколько по сюжету, превосходятъ собою все то, что до сихъ поръ найдено было въ нашей подземной Этруріи; я показывалъ ихъ многимъ ученымъ Археологамъ Италіи и Германіи: имъ кажется невѣроятнымъ, чтобы въ Тавридѣ могли быть находимы предметы древности, столь любопытные. Живопись катакомбы принадлежитъ къ греческому стилю; въ ней однако замѣтенъ

(а) Кости ихъ были совершенно цѣлы и крѣпки, что зависитъ отъ свойства земли. Если онѣ находятся въ камняхъ, скалахъ, то бѣлѣютъ и обращаются въ пыль отъ прикосновенія; если же земля сыровата именно какъ та, гдѣ находятся эти катакомбы, то кости лучше сохраняются; когда онѣ долго находятся въ водѣ, то покрываются корою, дающею имъ цвѣтъ и твердость камней. — Такія кости мнѣ случалось находить въ нашихъ катакомбахъ.

отблескъ вкуса, господствовавшаго въ Римѣ въ началѣ нашей эры. Стѣны гробницы покрыты штукатуркою, на которой сдѣланы рисунки водяными красками: бѣлыми, черными, красными, желтыми, голубыми, зелеными, сѣрыми — вообще тѣми самыми красками, которыя замѣчены во фрескахъ, найденныхъ въ разныхъ мѣстахъ Тосканы, въ особенности близь Корнето, въ 1831-мъ году. Когда мы вошли въ катакомбу, то живопись была очень свѣжа и нигдѣ не повреждена. Я тотчасъ занялся снятіемъ рисунковъ и въ три дни, при помощи г. Стефанскаго, бывшаго рисовальщика при музеумѣ, успѣлъ снять настоящій *fac simile*, сходный съ оригиналомъ даже въ самыхъ мѣлкихъ частяхъ. Замѣчено, что воздухъ, проникая въ подземелья, которыя скрыты были отъ лучей свѣта въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, истребляетъ не только краски, но даже и штукатурку. Въ самомъ дѣлѣ, на другой день послѣ открытія оказалась на стѣнахъ большая сырость, краски начали блѣднѣть, штукатурка отставать отъ стѣнъ и падать при малѣйшемъ давленіи. Этой же участи подвергнулись всѣ почти памятники гробничной живописи, открытые въ Италіи: тамъ также не могли предохранить ихъ отъ вліянія воздуха и сырости.

ГЛАВА II.

О римскихъ христіанскихъ катакомбахъ.

Въ Римѣ находятся такъ называемыя христіанскія катакомбы или пещеры; обозрѣвая ихъ какъ антикварій и какъ христіанинъ и дошедши до Аппіеваго пути, вдоль котораго видны Циркъ, памятники Сципіоновъ, Ромула, гробницы Цецилія-Метеллы и другія, вниманіе моё болѣе поражено было пещерами св. Севастіана, чѣмъ этими великолѣпными памятниками древняго исчезнувшаго величія. Глядя на нихъ, я вспомнилъ нѣкоторыя блистательныя страницы древней исторіи и при этомъ невольно вырвалась у меня латинская поговорка: *sic transit gloria mundi!* Не то чувство поражаетъ васъ при входѣ въ катакомбы: на стѣнахъ ихъ начертана кровавыми буквами исторія первыхъ временъ Христіанства; здѣсь находятся самые древніе и самые достовѣрные его памятники. Проходя по подземнымъ корридорамъ съ зажженнымъ факеломъ въ рукахъ, я вспомнилъ, что здѣсь въ нѣдрахъ земли, первые христіане, среди бурь и волненій политическихъ, среди гоненій и смертельныхъ преслѣдованій цезарей, умѣли скрыть свое новое Богослуженіе. Вдоль стѣнъ катакомбъ видны мѣста, гдѣ находились тѣла пострадавшихъ за вѣру и каменные саркофаги, въ которыхъ погребены были кости святыхъ пастырей, хранимыя нынѣ Церковью, какъ драгоцѣнность. Изрѣдка замѣтны въ стѣнахъ мѣста, гдѣ привѣшивались лампады. Съ какимъ благоговѣніемъ и истинно христіанскимъ смиреніемъ вошелъ я въ комнату, гдѣ при мерцаніи слабаго свѣта лампы, висѣвшей подъ сводомъ, совершались нѣкогда таинства христіанскаго ученія. Гробницы мучениковъ служили алтаремъ! Ничего столь назидательнаго и столь высокаго нельзя найти въ исторіи вселенной, какъ христіанскія пещеры въ Римѣ. Эти святыя мѣста находятся теперь подъ надзоромъ духовныхъ лицъ, открывшихъ недавно лѣстницу, на которой видны еще слѣды ногъ поколѣнія, жертвовавшаго съ такимъ самоотверженіемъ всѣмъ для спасенія души. Лѣстница эта произвела во мнѣ глубокое впечатлѣніе: отсюда, думалъ я, возсіялъ яснѣе животворный свѣтъ Евангелія, — отсюда развился онъ, здѣсь, наконецъ, ковчегъ Вѣры, послѣ долгихъ бурь, сталъ и укрѣпился на прочномъ якорѣ.

Неисповѣдимы судьбы Промысла! Въ описываемое мною время, весь христіанскій Римъ находился подъ землею; но Евангеліе восторжествовало и владычество императоровъ и боговъ угасло, угасло на вѣки. Какъ бы удивились Неронъ, Тиверій или Коммодъ, еслибы, возставъ изъ гробницъ своихъ, они увидѣли, что въ Римѣ, владыкѣ вселенной, царствуетъ теперь простой деревянный крестъ. И въ самомъ дѣлѣ, деревянный крестъ занялъ мѣсто грознаго дворца цезарей: онъ водруженъ посреди Колизея и пришельцы изъ дальнихъ странъ приходятъ ему поклоняться. Здѣсь опять удивляешься великой благости Господней! Колизей, это величественное, исполинское зданіе, тѣсно связанъ съ исторіею Христіанства; онъ обагренъ кровью святыхъ мучениковъ, пострадавшихъ за Вѣру: — ихъ бросали тамъ на растерзаніе дикимъ звѣрямъ, для увеселенія восьмидесяти тысячъ зрителей; теперь-же посреди Колизея стоитъ крестъ, какъ вѣчный памятникъ, воздвигнутый надъ могилою христіанскихъ героевъ, какъ неоспоримый фактъ, что на землѣ нѣтъ ничего столь прочнаго и истинно великаго, какъ христіанская Религія. Стѣны христіанскихъ римскихъ катакомбъ испещрены живописными произведеніями Христіанъ: тамъ также находятся картины, надписи, барельефы, расписанныя стекла. Все это не имѣетъ почти никакаго художественнаго достоинства: — иначе и быть не могло. Бѣдные Христіане, униченные, гонимые, принужденные скрываться въ сихъ печальныхъ жилищахъ, не могли съ успѣхомъ заниматься изящными искуствами. Вообще замѣтно, что христіанская живопись этого времени совершенно подражала языческой. Первые художники Христіане, по недостатку собственныхъ своихъ образцовъ живописи, принуждены были изображать сюжеты и символы, почерпнутые изъ религіи языческой и примѣнять ихъ къ новому своему вѣроисповѣданію. Вотъ почему въ сихъ изображеніяхъ вездѣ видны цвѣты, птички, плоды, нагіе крылатые геніи и крылатый Пегасъ, такъ часто встрѣчаемый въ украшеніяхъ древнихъ гробницъ. Хотя въ катакомбахъ находятся картины согласныя съ христіанскимъ ученіемъ, однакоже составъ ихъ заимствованъ изъ подобныхъ-же изображеній языческихъ, напримѣръ: сіяніе вокругъ головы Христа Спасителя совершенно походитъ на *nimbus* Римлянъ. Тоже самое замѣчено и въ рельефныхъ изображеніяхъ, коими украшены саркофаги въ катакомбахъ; сюжетомъ этихъ украшеній чаще всего бываетъ поклоненіе волхвовъ; Богородица изображается всегда въ длинной туникѣ съ узкими рукавами. Пещеры эти важны еще и потому, что въ нихъ сохранился самый древній образъ Христа Спасителя, писанный христіанскими художниками по религіознымъ преданіямъ; лице у Спасителя овальное, выражающее меланхолію, важность и смиреніе; борода короткая и рѣдкая; волосы, раздѣленные посреди головы, падаютъ на плеча. Здѣсь на-

ходится также изображеніе Богородицы: она представлена подъ покрываломъ, съ предвѣчнымъ Младенцемъ на колѣнахъ; юныя черты ея облечены неизъяснимою прелестію, мудростію и чистотою истинно небесною. Послѣ этого всего чаще встрѣчается въ катакомбахъ образъ святыхъ Апостоловъ Петра и Павла съ книгами, а посреди ихъ вѣнецъ — символъ божественной награды, обѣщанной истинному христіанину.

Катакомбы открыты въ 16-мъ вѣкѣ. Многіе ученые изучали ихъ и между ними отличается терпѣливый и усердный Бозіо, который посвятилъ тридцать лѣтъ на обозрѣніе сихъ подземелій: смерть не позволила ему окончить своего труда. Ученый Бальдетти былъ счастливѣе Бозіо; прослуживъ долгое время смотрителемъ катакомбъ, онъ издалъ объ нихъ прекраснѣйшее сочиненіе. Д'Аженкуръ въ концѣ прошедшаго вѣка поселился въ Римѣ съ тою цѣлію, чтобы успѣшнѣе описать катакомбы; наконецъ Рауль-Рошетъ написалъ объ нихъ книгу, исполненную археологическаго достоинства. Христіанская иконографія есть, безспорно, одинъ изъ любопытнѣйшихъ предметовъ изученія въ катакомбахъ и потому она занимаетъ важное мѣсто въ твореніи Рауль-Рошета.

ГЛАВА III.

Очеркъ живописи древнихъ.

Не взирая на истребленія, произведенныя вѣками и варварами, Архитектура и Скульптура оставили намъ много превосходныхъ памятниковъ. Живопись, состоящая изъ элементовъ менѣе прочныхъ, не могла устоять противъ страшной бури, уничтожившей всю древнюю образованность. Живопись въ древности была въ такомъ же уваженіи, какъ и Скульптура. имена Апеллеса, Цеуксиса, Парассіуса, Протогена, Аристида, Памфила, Тиманта и Никомика, не менѣе велики, какъ имена Фидіаса, Праксителa, Поликтета, Скопы, Лизиппа, Апелонія, Агазія и Гликона.

Многіе древніе писатели, особенно Цицеронъ, Квинтиліанъ и Плиній описываютъ живописныя произведенія древнихъ съ чрезвычайною похвалою. Высокое искуство древнихъ въ живописи доказывается арабесками, коими расписана была баня Тита, фресками, украшавшими гробницу Назоновъ, нѣкоторыми катакомбами и гробницами и, наконецъ, превосходнѣйшею мозаикою, найденною въ Помпеѣ, въ домѣ Фавна (1), и представляющею, какъ думаютъ, сраженіе Александра съ Персами при Иссусѣ: мозаика эта вѣроятно составлена была по оригинальной картинѣ. Все это доказываетъ, что древніе живописцы умѣли писать во всѣхъ родахъ, не исключая даже и каррикатуры; все, что требуется правилами искуства, было исполнено ими въ совершенствѣ: тѣнь, дѣйствіе, выраженіе лица и даже движеніе; — это послѣднее новѣйшіе живописцы приписываютъ себѣ (2).

Живопись у Египтянъ остановилась, кажется, въ самомъ своемъ началѣ; они не умѣли дать выпуклости предметамъ, нарисованнымъ на пло-

---

(1) Мозаика эта покрывала весь полъ трикліниума или столовой комнаты въ домѣ Фавна, такъ названномъ потому, что во немъ нашли бронзоваго пляшущаго Фавна, отличной работы; онъ украшаетъ теперь залу Бурбонскаго музея въ Неаполѣ, гдѣ сохраняются всѣ бронзовыя вещи, извлеченныя изъ развалинъ Помпеи.

(2) Можно прочитать подробнѣе объ этомъ у Плинія въ XXXV книгѣ его о греческой живописи, отъ времени Клеофа Коринѳскаго, который покрывалъ свои рисунки краскою изъ вареной земли, обращенной въ порошокъ и Аполодора Аѳинскаго, изобрѣтателя перспективы, — до времени великаго Апеллеса.

скости, ни посредствомъ смягченія цвѣтовъ, ни посредствамъ тѣней и перспективы. Египтяне покрывали всѣ предметы одною краскою; въ такомъ-же положеніи мы встрѣчаемъ живопись въ Египтѣ даже тогда, когда онъ находился подъ властію Грековъ и Римлянъ.

О живописи Этрусковъ мы не имѣемъ положительныхъ свѣденій, потому что не знаемъ даже и происхожденія этого народа: его древняя исторія покрыта мракомъ.

Живопись въ Римѣ процвѣтала подобно другимъ изящнымъ искуствамъ, но она упала [1] прежде еще, чѣмъ погасъ славный вѣкъ Августа.

Антонины покровительствовали искуствамъ [2], особенно Маркъ Аврелій, воздвигавшій статуи людямъ добродѣтельнымъ и храбрымъ воинамъ, погибшимъ на войнѣ противу Германцевъ. Маркъ-Аврелій былъ ученикъ славнаго живописца Діогнета и умѣлъ хорошо рисовать. Не смотря на это, хорошіе артисты въ описываемую эпоху были рѣдки и уваженіе къ нимъ значительно уменьшилось отъ пагубнаго образа мыслей того времени. — Софисты, люди близкіе къ трону Антонина, презирали все то, что не пріобрѣталось ученостію; артистъ въ глазахъ ихъ былъ ремесленникъ. — Такимъ образомъ, во время Антониновъ, искуства вообще могли быть уподоблены догарающей лампадѣ, которая вдругъ бросаетъ яркій свѣтъ и потухаетъ наконецъ совершенно. — Къ этой именно эпохѣ я отношу живопись нашей катакомбы, потому что самый стиль рисунковъ обнаруживаетъ уже упадокъ искуства; кромѣ же того, всѣ керченскія катакомбы принадлежатъ вѣкамъ послѣ нашей эры, что подтверждается монетами и другими вещами, найденными въ сихъ гробницахъ.

---

(1) Artes desidia perdidit — Plin. lib. XXXV. cap. 2.

(2) Vinckelmann, lib. XII. cap. 11.

ГЛАВА IV.

О разныхъ изображеніяхъ на древнихъ гробницахъ и памятникахъ.

Религія восточныхъ народовъ перешла сначала къ Египтянамъ, отъ сихъ послѣднихъ къ Этрусскамъ, Грекамъ, Сабинянамъ и наконецъ къ Римлянамъ: вотъ почему мы встрѣчаемъ слѣды восточныхъ вѣрованій въ религіозныхъ понятіяхъ Римлянъ и Грековъ, особенно же тѣхъ, которые жили по берегамъ Чернаго моря. Вездѣ вѣровали въ два главныя начала: начало жизни и возрожденія, и начало смерти и истребленія. Первое называлось Вестою, Землею и Деміургомъ (a), а второе извѣстно подъ именемъ Ведіу, Манту, Плутона. Изъ мрака этрусскихъ могилъ извлекаются памятники, соединяющіе въ одну систему религіозныхъ символовъ образованность Этруріи и Греціи съ образованностію внутренней Азіи и такимъ образомъ подкрѣпляются преданія старины. У насъ въ Черноморіи, близь мѣста гдѣ существовала Фанагорія, найдена на пьедесталѣ одной статуи греческая надпись, извѣстная подъ именемъ надписи царицы Комозаріи (b). Въ надписи сей сказано: царица Комозарія посвящетъ этотъ монументъ божествамъ Анергесу и Астарѣ. Боговъ этихъ не было у Грековъ и мы очень бы ошиблись, если бы смѣшали Астару съ греческими богинями Немезидою и Эригоною, которую Римляне называли Астреею, отъ имени отца ея Астреуса. Вышеупомянутыя божества, какъ кажется, относятся къ Миѳологіи восточной: Анергесъ и Астара — божества Сиро-халдейскія и имъ присвоили только имена греческія при дворѣ Воспорскомъ, гдѣ все греческое было въ уваженіи. По мнѣнію покойнаго г. Келлера, имя Анергесъ происходитъ отъ Нергела — божества, о которомъ упоминается въ священномъ писаніи; это слово значитъ: источникъ огня и свѣта, т. е. солнце. Халдеи передали свое богопочитаніе Персамъ, которые поклонялись огню, уподобляя его солнцу. Религіозныя понятія сихъ послѣднихъ перешли къ Синдамъ, жившимъ

(a) Villoison, de triplici theologia mysterisque veterum comment.

(b) Комозарія была жена Перисада I-го сына Левкона, управлявшаго Воспоромъ въ 311 году до Р.Х.

къ Югу отъ Воспора и у нихъ-то имя Пергелъ превратилось въ Анергесъ (a). Астара, божество Халдеевъ и Финикіянъ, то же что Аллилатъ Арабовъ, Изида — Египтянъ, Астартея — Сирійцевъ и Луна — Грековъ; слѣдовательно надпись показываетъ, что царица Комозарія посвятила памятникъ верховнымъ богамъ Востока — солнцу и лунѣ. Хотя нѣкоторые истолкователи Іереміи утверждаютъ, что одни только мужчины поклонялись солнцу, а женщины молились лунѣ; однакожъ достовѣрно, что у многихъ народовъ этого различія не существовало. Древніе почитали луну и солнце источниками плодородія; въ Аравіи луна была покровительницею любовниковъ; по этому, г. Келлеръ очень основательно думаетъ, что царица Комозарія, воздвигнувшая упомянутый памятникъ, испрашивала этимъ у боговъ благословенія для своего брачнаго союза, или благодарила ихъ за дарованныхъ ей дѣтей. Жители Воспора такъ же поклонялись Серапису, а потому изображеніе сего божества встрѣчается на медаляхъ Пантикапейскихъ (b). Во фрескахъ нашей катакомбы заключаются нѣкоторыя черты египетскихъ вѣрованій; вмѣстѣ съ религіею и искуства переходили отъ одного народа къ другому: вотъ почему въ художествахъ Грековъ и Римлянъ находится много чуждыхъ элементовъ.

Всѣ почти произведенія древности въ живописи и скульптурѣ были въ одинаковомъ духѣ: — они выражали всегда идеи религіозныя и вообще имѣли священный характеръ. Художники того времени думали, что искуство не можетъ существовать безъ религіи и что оно тогда только пріобрѣтаетъ истинно высокое значеніе, когда источникомъ ему служитъ вѣра.

Начнемъ съ Египта слѣдить за развитіемъ художественно-религіозныхъ произведеній древнихъ. — Въ египетскихъ папирусахъ, изданныхъ Денономъ, Гаммеромъ и другими, въ сущности ничего болѣе не найдено, кромѣ фигуры, подвергающейся въ путешествіяхъ разнымъ приключеніямъ; это изображеніе истолкователи называютъ душею (c). Всѣ символы, находящіеся на вещахъ египетскихъ покойниковъ, намекаютъ на будущую жизнь (d). Что сдѣлали Греки съ этими египетскими понятіями и изображеніями? Одаренные вкусомъ болѣе тонкимъ, они не подражали рабски, но пользуясь основаніемъ, заключавшимся въ таинственныхъ іероглифахъ, сыны Эллады все возвысили, все облагородили посредствомъ

(a) Собственныя имена, переходя отъ народа къ народу, неимовѣрно искажались въ древности: такимъ образомъ Дарій въ Греціи назывался Даріекесъ, Даріевесъ, и т. д.

(b) Происхожденіе Сераписа неизвѣстно. Плутархъ въ описаніи Изиды и Озириса говоритъ, что поклоненіе Серапису получило начало въ Понтѣ; что во время Птоломеевъ, колоссальная статуя сего божества перевезена была изъ Синона въ Александрію и наконецъ, что съ тѣхъ поръ Сераписъ сдѣлался главнымъ божествомъ столицы Египта (с. 28).

(c) Hammer, 1. cit. p. 3. — 5.

(d) Hammer Rouleau de papier pub. par Fontana.

изящныхъ искуствъ. И подлинно, нельзя безъ удивленія смотрѣть на великое прошедшее! Нашъ вѣкъ во многомъ превзошелъ древнихъ только по одному разнообразію средствъ исполненія; глубокое же, основательное познаніе искуства всегда останется на сторонѣ Грековъ.

Греки и Этруски не вѣрили перехожденію души; по ихъ мнѣніямъ она, по смерти тѣла, улетала въ другой, лучшій міръ, и вотъ почему мы встрѣчаемъ у сихъ народовъ тризны. Друзья и знакомые покойника, приглашенные на пиршество на третій день послѣ похоронъ, старались утѣшить родственниковъ усопшаго, которые отказывались, изъ приличія, отъ предлагаемыхъ имъ яствъ, желая этимъ показать, что печаль отняла у нихъ аппетитъ; впрочемъ, семья усопшаго, послѣ трехъ дневнаго поста, наконецъ рѣшалась подкрѣпить чѣмъ нибудь свои силы. Похоронныя пиршества сопровождались музыкою, плясками, охотою (a), битвами гладіаторовъ и другими гимнастическими упражненіями. Пляски и музыка назначались для увеселенія скорбящихъ; гладіаторы должны были сначала бить себя розгами и наконецъ наносить себѣ раны оружіемъ (b). Охота заключилась въ борьбѣ сильныхъ животныхъ со слабыми. Гладіаторы также вступали въ бой съ дикими звѣрями (c). Подобныя погребалныя или родственныя пиршества возобновлялись ежегодно, и были въ обыкновеніи у Грековъ съ незапамятныхъ временъ.

Набожные Этруски, Греки и даже Римляне думали что эти игры пріятны богамъ. Этруски старались суевѣрными обрядами облегчить переходъ души отъ сего міра въ обитель блаженства: на могилѣ усопшаго они приносили животныхъ въ жертву богамъ. У Римлянъ сей послѣдній обычай не существовалъ: философы отвергали его, хотя народъ, можетъ быть, и допускалъ (d). Разсмотримъ теперь, какимъ образомъ религіозныя вѣрованія древнихъ выражались въ предметахъ, служившихъ къ украшенію гробницъ. Этрускія урны, саркофаги, бронзовые памятники и особенно вазы украшены рисунками, представляющими борьбу людей съ звѣрями. Вазы почитались символомъ души и ея безсмертія; не требовалось, чтобы сосуды эти были разрисованы; величина и красота ихъ также не имѣли особаго значенія: какая-бы то ни была ваза, поставленная подлѣ покойника, напоминала язычникамъ, что душа не уми-

---

(a) Ингерами osservaz. sull' opera l'Italia avanti il domin. dai Romani, p. 88.

(b) Біанкини, Storia Universale cap. XXXII. p. 553. говоритъ, что битвы гладіаторовъ, замѣнившія жертвоприношенія живыхъ людей, существовали во всей Азіи и перешли въ Тоскану.

(c) Надписи и памятники утверждаютъ, что жители Помпеи имѣли особенную страсть къ подобнымъ представленіямъ.

(d) Ингерами думаетъ, что для напоминанія людямъ о конечности всего въ мірѣ, представляемы были на саркофагахъ и гробницахъ охоты, гладіаторы и сраженія. Миллинъ, Descrip. des tomb. de Pompeja p. 57. говоритъ, что древніе, стараясь дать похоронамъ болѣе пышности, блеску и величія присоединяли къ нимъ подобныя зрѣлища, называемыя *Venationes*.

раетъ и что Вакхъ заботится объ ней (a). На крышкахъ всѣхъ почти этрусскихъ урнъ (b), равно и на вазахъ, которыя я видѣлъ въ подземельяхъ близь Перруджіо (открытыхъ въ 1843-мъ году) изображены лежащія фигуры усопшихъ, въ такой одеждѣ, какую они употребляли на пирахъ, во время жизни. Фигуры въ такомъ положеніи почитались символомъ вѣчнаго блаженства, обѣщаннаго въ Елисейскихъ поляхъ тѣмъ смертнымъ, которыхъ жизнь ознаменована была добродѣтелями (c) Патера въ рукахъ ихъ означаетъ, что усопшіе вкушаютъ божественный нектаръ въ царствѣ тѣней (d). Предъ такими фигурами находится иногда столъ, на которомъ стоятъ сосуды и другія предметы, относящіеся къ трапезѣ.

Въ гробницахъ Грековъ, кромѣ вазъ, находимы были изображенія, относящіяся большею частію къ погребальнымъ обрядамъ, напр. женскія фигуры, производящія возліянія; вѣтви плюща съ плодами; женщина, стоящая подлѣ алтаря и играющая на двойной флейтѣ; воинъ на колесницѣ, запряженной тремя конями, и проч. Кромѣ того попадались еще изображенія другаго рода: маски шуты, Фавны, а надъ ними пѣтухъ съ повязками, сидящій на листьяхъ плюща. Живопись стѣнъ и памятниковъ представляетъ почти одни и тѣ-же предметы, но въ первой обыкновенно преимуществуютъ пляски, погребальныя трапезы, священные обряды, игры, свадебныя пиршества и проч.

Фрески, найденные въ этрусскихъ подземельяхъ, представляютъ вообще или сраженія, или покушеніе на чью нибудь жизнь. Нѣкоторыя изображенія объясняютъ понятія Этрусковъ объ участи души по смерти; къ такимъ рисункамъ принадлежитъ слѣдующій: два черные крылатые геніи, держа въ одной рукѣ молотъ, а въ другой змѣю, влекутъ за собою колесницу, на которой стоитъ фигура, означающая душу покойника. Пиры особъ обоихъ половъ занимаютъ главное мѣсто въ гробничной живописи. Сюжеты, относящіеся исключительно къ добродѣтельной жизни покойника, находятся на второмъ планѣ и подчинены другимъ изображеніямъ, каковы охота, сраженія и особенно всадники и лошади. Лошади замѣчаются въ живописи всѣхъ почти гробницъ: язычники

(a) Древніе, особенно сѣверные народы, клали въ гробницы знаменитыхъ воиновъ оружіе, которое они употребляли въ сраженіяхъ. Въ XIII столѣтіи обычай этотъ не совсѣмъ еще истребился въ южныхъ странахъ. Извѣстно изъ историческаго письма Ивана Векіетти, знаменитаго своими путешествіями по Востоку въ концѣ XVI-го столѣтія, что когда вскрыли гробницу одного начальника крѣпости Коченцы въ Калабріи, то усопшій воинъ найденъ былъ въ позолоченномъ вооруженіи, на деревянной лошади, съ золотыми шпорами, поясомъ, цѣпью и перстнями дорогой цѣны. Письмо Векіетти находится на стр. 189. манускрипта библіотеки Наніана, изданнаго ученымъ аббатомъ Морелли въ Венеціи, 1774 года.

(b) Gori mus. Etr. Tom. III. diss. III. c. IV. p. 128. Vermiglioni Iscrizioni Perrugin: T. 1. notizie prelimin. P. XII.

(c) Idem p. 133.

(d) Bonarotti. ad Dempstera p. 66. —

посредствомъ лошади хотѣли выразить стремленіе души къ обители, назначенной ей судьбою. Гори положительно говоритъ, что всѣ вообще фигуры на лошадяхъ, сопровождаемыя богами ада, должны быть признаны за души, принятыя въ сонмъ боговъ (a).

Всѣ эти изображенія назначались къ возбужденію размышленій о жизни, смерти и добродѣтеляхъ покойника. Рисунки битвъ и другихъ кровавыхъ обрядовъ даютъ намъ понятіе о характерѣ Этрусковъ. Многіе Археологи пишутъ, что народъ этотъ, по врожденной своей мрачности, жаждалъ сраженій и кровопролитій; но Ингерами полагаетъ, что изображенія сіи относятся не столько къ характеру Этрусковъ, сколько къ религіознымъ ихъ вѣрованіямъ.

Мы очень рѣдко встрѣчаемъ гробничную живопись у Римлянъ; къ сюжетамъ греческимъ и этрусскимъ, они присоединяли сцены изъ частной жизни покойника. Въ гробницы знаменитыхъ людей Рима ставились статуи друзей ихъ; такъ въ гробницѣ Сципіоновъ находились бюсты Эннія и другихъ. — Вѣроятно не разъ римскій воинъ съ благоговѣніемъ приходилъ отдохнуть на хладномъ мраморѣ, покрывавшемъ останки Сципіона африканскаго; не разъ и поэтъ искалъ вдохновенія въ дѣяніяхъ великаго гражданина Рудіи! Стацій, консулъ и поэтъ, часто мечталъ на гробницѣ Мирона и въ хвалебныхъ гимнахъ призывалъ тѣнь его.

На гробницахъ древнихъ часто находятся изображенія личинъ: трудно объяснить настоящій ихъ смыслъ, однакожъ извѣстно, что онѣ такъ же принадлежали къ религіознымъ символамъ (b). Варронъ, одинъ изъ глубокомысленнѣйшихъ археологовъ, ничего положительнаго не пишетъ объ этомъ предметѣ: онъ говоритъ только, что личины представляютъ домашнихъ или семейныхъ боговъ, геніевъ и души усопшихъ. Извѣстный филологъ Крейцеръ (c), извлекшій изъ разныхъ писателей все то, что согласуется съ мнѣніемъ Варрона, говоритъ, что лары Этрусковъ почитаемы были за души, которыя безпрестанно носились вокругъ смертныхъ, иногда какъ добрые геніи, иногда же какъ непріязненные. На древнемъ латинскомъ языкѣ, духъ человѣческій, освободившійся отъ оковъ земныхъ, назывался *лемуръ*; если онъ получалъ должное погребеніе, то покровительствовалъ своей семьѣ и въ этомъ смыслѣ назывался *lar familiaris*. Если же, напротивъ, духу сему при погребеніи не возданы были тѣ почести, на которыя онъ имѣлъ право, то онъ содѣлывался непріязненнымъ, злымъ геніемъ, однако же не преслѣдовалъ добрыхъ. Маски, находимыя иногда въ древнихъ гробницахъ, ставились подлѣ усопшихъ съ тою цѣ-

---

(a) Gori, 1. cit Pars 1. p. 140.

(b) Ingherami. seria 1. p. 20.

(c) Simbolik und mythologia.

лію, что бы образъ ихъ передать потомству. Въ коллегіи св. Игнатія въ Римѣ находится дѣтская маска, имѣющая по концамъ четыре дырочки для того, чтобъ привязывать ее къ лицу. Мнѣ такъ же удалось найти въ пантикапейской гробницѣ золотую маску на лицѣ царицы супруги Рископорида IV. Кромѣ того, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1841-го года, поселянинъ села Порутина открылъ въ развалинахъ Ольвіи древнюю гробницу и нашелъ въ ней нѣсколько древнихъ вещей, между которыми замѣчательна золотая маска. (Записки одесскаго общества исторіи и древностей 1844 – л. 625.)

ГЛАВА V.

Описаніе катакомбы.

Рис. I. и II.

Курганъ, въ которомъ найдена катакомба, имѣетъ въ самомъ центрѣ, до потолка гробницы, 1 сажень, 2 аршина и 7 вершковъ вышины. Раскопка его производилась, какъ обыкновенно, перпендикулярно къ основанію, съ сѣверо-востока и начата была съ того мѣста, гдѣ находилась впадина, о которой говорено во введеніи. По углубленіи во впадину на аршинъ съ нѣсколькими вершками, мы встрѣтили прорѣзанную на аршинъ и двѣ трети скалу. Слѣдуя по этому направленію болѣе чѣмъ на два аршина въ глубину, мы дошли до плиты, закрывавшей собою входъ въ пещеру; двери сей послѣдней вышиною $2^1/_3$ аршина, шириною 1 аршинъ. Входъ въ гробницу съ самаго верха, откуда начинается скала, наполненъ былъ землею, въ которой находились куски амфоръ, обломки расписанныхъ вазъ и стклянокъ. Земля насыпи этой была рыхлая, поэтому надо было думать, что гробница была уже ограблена; это подтвердилось въ послѣдствіи, когда дошедши до плиты мы нашли, что она не плотно приставала къ гробничному входу. Съ трудомъ отваливъ ее, мы занялись очисткою земли, нападавшей сквозь недокрытыя двери въ первую погребальную комнату, которая была длиною безъ малаго 2 сажени, шириною 4 арш. 6 вершк., вышиною 2 арш. 11 верш. Вторая комната длиною 5 аршинъ безъ нѣсколькихъ вершковъ; шириною 4 аршина $2^2/_3$ вершка; вышиною же столько, сколько и первая. Въ обоихъ отдѣленіяхъ найдены обломки вазъ, амфоръ и стклянокъ. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь находились дорогія вещи; и если бы катакомба не была уже ограблена, то, кромѣ фресковъ, составляющихъ важное открытіе, мы конечно обогатились бы еще значительнымъ пріобрѣтеніемъ древностей.

ГЛАВА VI.

Описаніе фресковъ 1-й комнаты.

Рис. IV.

ЧАСТЬ ВЕРХНЯЯ.

Рисунки на этой стѣнѣ раздѣлены на два ряда и украшены вверху фризомъ сѣраго цвѣта, шириною въ $8^1/_2$ вершковъ. Фризъ этотъ заключаетъ въ себѣ десять продолговатыхъ квадратиковъ: въ среднемъ изображена въ профиль мужская фигура съ полуоткрытымъ ртомъ; въ боковыхъ представлены павлины, а въ остальныхъ же видны: двѣ маски Фавновъ съ длинными ушами, двѣ простыя женскія маски и три вѣточки гранатоваго дерева съ цвѣтами и плодами. Во всю длину фриза, внизу, находится гирлянда изъ виноградныхъ лозъ и кистей. Непосредственно подъ гирляндою, по срединѣ стѣны, изображено ложе, на которомъ сидитъ, облокотясь лѣвымъ локтемъ на подушку, мужская фигура; въ правой приподнятой рукѣ, она держитъ виноградную кисть. Фигура эта, облеченная въ подпоясанную розоваго цвѣта тунику, завернута до половины тѣла въ желтую ткань; у изголовья столикъ на трехъ ножкахъ, на которомъ лежитъ круглая вещь, въ родѣ пирога или хлѣба; предъ ложемъ табуретъ; — далѣе, съ правой стороны, прислужникъ въ короткомъ безрукавномъ хитонѣ блѣдно-сѣраго цвѣта, въ полусапожкахъ и въ узкомъ желтомъ исподнемъ платьѣ; въ правой рукѣ его, простертой къ сидящей фигурѣ, находится чаша, вѣроятно съ какою нибудь жидкостію, налитою изъ другаго сосуда (proferiсulum), который слуга несетъ въ лѣвой рукѣ. Непосредственно за симъ послѣднимъ три мужскія фигуры почти въ одинаковомъ положеніи, завернутыя въ мантіи, въ узкихъ исподнихъ разныхъ цвѣтовъ и въ полусапожкахъ; далѣе масличная вѣтвь. Съ лѣвой стороны лежащей фигуры видна группа изъ восьми женщинъ въ длинныхъ туникахъ и разноцвѣтныхъ мантіяхъ; три женщины изображены сидящими на скамьяхъ, съ табуретиками подъ ногами. Главное мѣсто занимаетъ первая женская фигура, сидящая въ большомъ о четырехъ ножкахъ креслѣ и молящаяся тѣни друга, мужа или родственника; костюмъ ея состоитъ изъ длинной туники желтаго цвѣта и бѣлаго пеплума.

ЧАСТЬ НИЖНЯЯ.

Внизу цоколь, шириною въ 6 вершковъ; съ лѣвой стороны шесть всадниковъ, вооруженныхъ копьями и стремящихся на непріятеля: всѣ воины съ непокрытыми головами, въ блѣдно-сѣрыхъ кафтанахъ, красныхъ исподнихъ (a) и полусапожкахъ (b); подъ кафтанами видна, какъ кажется, кожаная броня зеленаго цвѣта или панцырь. Лошади безъ сѣделъ, съ одними только уздами. Съ правой стороны также пять скачущихъ всадниковъ съ копьями; между этими двумя группами лежатъ на землѣ три убитые воина: два изъ нихъ опрокинуты вмѣстѣ съ своими лошадьми; третій также свергнутъ съ лошади; шапка его сброшена съ головы и находится у самаго трупа. Положеніе этой группы и самый костюмъ воиновъ очень замѣчательны. Первый и третій изъ пяти всадниковъ облечены въ длинные, опоясанные, безрукавные хитоны блѣдно-сѣраго цвѣта съ квадратиками: на головѣ у нихъ остроконечныя шапки съ наушниками и съ кисточками на верху; на остальныхъ-же трехъ всадникахъ, равно и на трехъ убитыхъ — безрукавные хитоны желтаго цвѣта; на хитонахъ панцыри, закрывающіе совершенно грудь; исподніе краснаго цвѣта; сапожки; на головѣ у сихъ послѣднихъ воиновъ остроконечныя шапки съ наушниками, но безъ кисточекъ на верху. Два воина, имѣющіе длинные хитоны и шапки съ кисточками, сидятъ на лошади какъ наши дамы.

Рис. III.

ЧАСТЬ ВЕРХНЯЯ.

Изображенія на этой стѣнѣ, какъ и на другихъ стѣнахъ катакомбы, писаны водяными красками на штукатуркѣ блѣдно-сѣраго цвѣта, въ два ряда; живопись украшена вверху стѣны карнизомъ Іоническаго ордена желтаго и зеленаго цвѣта, шириною въ $3^1/_2$ верш.; внизу стѣны цоколь шириною въ $5^1/_2$ верш. краснаго цвѣта. По срединѣ стѣны дверь съ полукружіемъ вверху; съ лѣвой ея стороны, первая группа, состоящая изъ трехъ фигуръ, представляетъ сидящую на скамьѣ женщину въ туникѣ краснаго цвѣта (c), покрытую длиннымъ зеленымъ пеплумомъ; въ правой приподнятой рукѣ ея чаша; верхняя часть тѣла женщины обнажена до пояса; предъ нею стоитъ молодая дѣва въ зеленой длинной одеждѣ, въ короткой красной туникѣ съ тальею желтаго цвѣта; на лѣвомъ плечѣ ея развивается зеленое покрывало. Руки сей послѣдней фигуры

(a) Троянцы носили исподнее платье, называемое anaxyrides.

(b) Полусапожки ихъ напоминаютъ кнемиды — характеристическую обувь Грековъ у Гомера.

(c) Вообще фигуры этой катакомбы одѣты по гречески: мужчины имѣютъ хламиды, а женщины хитоны, покрытые пеплумомъ. Камиллы или слуги имѣютъ короткія туники.

простерты къ сидящей женщинѣ, за которою изображенъ нагой, съ зеленымъ поясомъ мужчина, держащій въ правой рукѣ опрокинутый факелъ; у фигуры этой на ногахъ крылья, а на головѣ остроконечная крылатая шапка.

За сею группою слѣдуетъ другая, состоящая также изъ трехъ мужескихъ фигуръ: первая изъ нихъ нагая и только съ зеленымъ поясомъ на бедрахъ, играетъ на трубѣ и обращена къ другому изображенію, играющему также лицемъ къ зрителямъ, на свирѣли: на этой послѣдней фигурѣ короткій, безрукавный хитонъ, стянутый у пояса. Третья фигура, въ хитонѣ безъ пояса, обращена къ дверямъ и, подобно средней, играетъ на трубѣ.

Съ правой стороны двери мужчина въ хитонѣ съ рукавами, стянутомъ у пояса; на правое плечо его накинутъ палліумъ зеленаго цвѣта: въ правой рукѣ сосудъ, изъ котораго фигура наливаетъ масло въ горящую на канделабрѣ лампу; за лампою изображена группа изъ мужчины и женщины, сидящихъ другъ противъ друга на простыхъ скамьяхъ; между ними столъ о трехъ ножкахъ, на которомъ видны сосуды и кушанья. На мужчинѣ длинный зеленый хитонъ и красное исподнее платье; въ правой рукѣ чаша. Сидящая женщина завернута въ палліумъ желтаго цвѣта, изъ подъ котораго видѣнъ зеленый хитонъ; правая рука ея поднята; за этою фигурою находится, какъ кажется, стебель кунжута (*sésame*) съ колосьями. — Изображенія эти оканчиваются, какъ бы въ видѣ прибавленія, осѣдланною лошадью, которую ведетъ за поводья молодой мужчина въ бѣломъ хитонѣ съ поясомъ, въ желтомъ исподнемъ платьѣ и полусапожкахъ: въ правой рукѣ его плеть.

ЧАСТЬ НИЖНЯЯ.

По срединѣ видѣнъ гробъ подъ балдахиномъ, украшеннымъ четырмя колоннами и гирляндами. Въ гробу лежитъ мужская фигура, завернутая въ бѣлую простыню; у изголовья стоитъ женщина, въ такомъ точно одѣяніи, какъ и первая, которую мы находимъ на этой же стѣнѣ сидящею съ чашею въ рукахъ; у ногъ покойника молодой человѣкъ въ желтомъ безрукавномъ хитонѣ. Гробъ съ балдахиномъ несутъ на плечахъ четырнадцать мальчиковъ, изъ которыхъ живописецъ изобразилъ только семь; всѣ они въ бѣлыхъ опоясанныхъ хитонахъ. За гробомъ слѣдуетъ погребальный кортежъ: восемь мужчинъ въ разноцвѣтныхъ хитонахъ, опоясанныхъ палліумахъ, узкихъ исподнихъ платьяхъ и въ полусапожкахъ. Шествіе открываютъ четыре мальчика, играющіе на трубахъ; они одѣты почти такъ, какъ и фигуры слѣдующія за гробомъ: разница заключается въ томъ, что у сихъ послѣднихъ палліумъ наброшенъ на правое плечо.

Съ правой стороны двери еще четыре музыканта въ такихъ же одеждахъ, какъ и первые и потомъ гробъ съ балдахиномъ, изображенный живописцемъ, какъ кажется, единственно для симетріи.

Рис. V.

Рисунки раздѣлены здѣсь колоннами дорическаго ордена на шесть отдѣльныхъ картинъ.

ЧАСТЬ ВЕРХНЯЯ.

На первой картинѣ мужчина, завернутый съ лѣвой стороны въ зеленый плащъ, достигающій до колѣнъ, преслѣдуетъ молодую дѣву, которая въ бѣгствѣ своемъ опрокинула стоявшій возлѣ нея горшекъ съ цвѣтами: фигура эта держитъ въ обѣихъ рукахъ покрывало зеленаго цвѣта, развѣвающееся по воздуху; на ней длинное зеленое платье, сверху красная туника съ рукавами и тальею желтаго цвѣта. На второй картинѣ колесница, запряженная тремя конями; на колесницѣ стоитъ мужчина; въ лѣвой рукѣ, на которой накинутъ зеленый плащъ, онъ держитъ возжи и скипетръ; правою же обвиваетъ станъ молодой дѣвы: волоса ея распущены; лѣвою рукою она поддерживаетъ свою голову: на этой фигурѣ безрукавный хитонъ, спущенный съ праваго плеча.

На третьей картинѣ изображена женщина въ длинной зеленой одеждѣ и въ полу-туникѣ краснаго цвѣта. — Полу-распростертыя руки фигуры покрыты желтымъ покрываломъ: въ правой она держитъ зажженный факелъ; подлѣ женщины свинья, пожирающая какой то кормъ.

ЧАСТЬ НИЖНЯЯ.

Три всадника съ копьями, въ туникахъ и сандаліяхъ, нападаютъ на звѣрей. Первый изъ воиновъ поражаетъ копьемъ медвѣдя, поднявшагося на заднія лапы; второй преслѣдуетъ бѣгущую лань и вонзаетъ въ нее копье; третій колетъ пикою волка. Борьба всадника съ волкомъ исполнена сильной, непринужденной экспрессіи.

Рис. VI.

ЧАСТЬ ВЕРХНЯЯ.

По срединѣ, между двумя колоннами, находятся двери, ведущія въ другую погребальную комнату, а съ лѣвой стороны ихъ ложе, на которомъ покоится мужчина въ желтой туникѣ и мантіи: облокотившись объ одръ лѣвою рукою, онъ подымаетъ правую вверхъ; въ ногахъ у него находится маленькая женская фигура въ бѣлой одеждѣ, подъ покрываломъ зеленаго цвѣта. Возлѣ одра табуретикъ и столъ о трехъ ножкахъ, на которомъ стоятъ два сосуда: предъ ложемъ сидитъ въ кре-

слѣ пожилая женщина, въ одеждѣ краснаго цвѣта и въ бѣломъ плащѣ; за нею прислужница, въ зеленой одеждѣ и въ короткой оранжевой туникѣ, держитъ обѣими руками сосудъ. Группа, съ правой стороны двери, очень похожа на первую группу первой стѣны: на высокой скамьѣ сидитъ женщина подъ бѣлымъ покрываломъ, въ длинной туникѣ краснаго цвѣта; предъ нею находится женская фигура въ длинной туникѣ зеленаго цвѣта и съ розовымъ покрываломъ, закрывающимъ лѣвое плечо, а правое и рука, которую фигура протягиваетъ съ умоляющимъ видомъ къ сидящей женщинѣ, свободны. За симъ послѣднимъ изображеніемъ стоитъ нагой, опоясанный мужчина: на лѣвомъ плечѣ у него развѣвается повязка; на головѣ остроконечная шапка съ крыльями; на ногахъ крылья. Пальцемъ правой руки онъ указываетъ на стоящую предъ нимъ женщину и, какъ кажется, со вниманіемъ слушаетъ то, о чемъ говорится.

ЧАСТЬ НИЖНЯЯ.

Съ лѣвой стороны дверей всадникъ въ красномъ исподнемъ платьѣ, полусапожкахъ и короткой сѣрой туникѣ; на лѣвомъ плечѣ его зеленая хламида: онъ сильно натягиваетъ лукъ, чтобъ пустить стрѣлу въ грифона, поднявшагося на заднія лапы, и, по видимому, стремящагося на всадника. Съ правой стороны дверей также воинъ на лошади, одѣтый въ короткую безрукавную тунику бѣлаго цвѣта, съ сандаліями на ногахъ; онъ поражаетъ копьемъ звѣря, поднявшагося на заднія ноги.

Рис. VII.

ПОТОЛОКЪ.

На потолкѣ встрѣчается совершенно такой фризъ, какой изображенъ на первой стѣнѣ. По срединѣ потолка парящій гусь; по бокамъ его два круга; надъ ними два павлина, а внизу два голубя. По всему потолку разбросаны зерна и вѣточки гранатоваго дерева.

Описаніе фресковъ 2-й комнаты.

Рис. VIII.

ЧАСТЬ ВЕРХНЯЯ.

По срединѣ стѣны дверь; по обѣимъ ея сторонамъ рисунки, раздѣленные на четыре картины. Съ лѣвой стороны нагой воинъ, опоясанный зеленою тканью, готовится отразить трезубцемъ стремящагося на него съ яростію тигра; далѣе молодой мужчина, въ исподнемъ платьѣ желтаго цвѣта и въ опоясанной зеленой туникѣ, держитъ въ лѣвой рукѣ кошелекъ, вѣроятно съ деньгами, а подъ правою мышкою повязку: онъ идетъ, какъ можно заключить по смыслу картины, къ мѣсту, гдѣ происходитъ погребальное зрѣлище. Съ правой стороны горящая на канделабрѣ лампада; далѣе мужчина въ безрукавной, распущенной туникѣ, идущій къ лампадѣ и несущій въ правой рукѣ сосудъ съ масломъ. Съ правой и лѣвой стороны этой стѣны находятся ниши.

ЧАСТЬ НИЖНЯЯ.

По обѣимъ сторонамъ дверей стоятъ два нагіе опоясанные гладіатора съ кинжалами, съ щитами и съ сандаліями на ногахъ: на головахъ у гладіаторовъ остроконечныя шапки; далѣе колонны, а за ними квадратики, одинъ зеленаго, а другой розоваго цвѣта. —

Рис. X.

Хотя на этой стѣнѣ рисунки раздѣлены колоннами на шесть частей, однакожъ изображенія видны только въ трехъ верхнихъ рамахъ. Въ первой изъ нихъ, съ лѣвой стороны, представленъ нагой, опоясанный гладіаторъ въ остроконечной шапкѣ: онъ спѣшитъ къ сражающимся товарищамъ и поднявши лѣвую руку показываетъ, что вниманіе его обращено на ихъ борьбу; предъ гладіаторомъ изображена овальная вещь съ лучами, похожая на щитъ; мужчина въ туникѣ удерживаетъ сзади гладіатора за поясъ; за этою группою видны двѣ ножки и часть стола. Во второй рамѣ стоитъ въ шлемѣ нагой, опоясанный гладіаторъ: ноги его разставлены врознь а въ распростертыхъ рукахъ онъ держитъ трезубецъ; на третьей картинѣ два сражающіеся гладіатора, въ такомъ точно положеніи и вооруженіи, какъ тѣ которые видны на рис. VIII,

только у послѣднихъ на головѣ остроконечныя шапки, а у первыхъ шлемы. Внизу, въ трехъ рамахъ, два зеленые круга, а по срединѣ квадратики розоваго цвѣта.

Рис. XI.

На этой стѣнѣ рисунки раздѣлены пятью колоннами на восемъ картинъ: четыре изъ нихъ вверху и четыре внизу. Въ первой видны два стремящіеся другъ на друга всадника; у воина съ лѣвой стороны въ правой рукѣ копье, а у другаго въ той же рукѣ лукъ; на головахъ у нихъ шлемы съ наушниками. Одежда этихъ двухъ ратниковъ нѣсколько различна: у обоихъ исподнее платье красное, полусапожки, длинныя туники, но у перваго сѣраго, а у втораго желтаго цвѣта; у одного изъ нихъ на груди кожаный зеленый панцырь, а у другаго зеленый плащъ, накинутый на правое плечо. Во второй рамѣ двѣ сидящія въ креслахъ женщины, одна противъ другой, въ длинныхъ зеленыхъ туникахъ, съ желтыми покрывалами; позади женщинъ двѣ прислужницы въ туникахъ и покрывалахъ. Въ третьемъ рисункѣ скачущій всадникъ въ туникѣ зеленаго цвѣта, въ красномъ исподнемъ платьѣ, въ полусапожкахъ: въ правой рукѣ онъ держитъ дротикъ; молодой мужчина въ желтой туникѣ, въ полусапожкахъ и красномъ исподнемъ платьѣ, предлагаетъ всаднику лѣвою рукою чашу съ питьемъ. Наконецъ, въ четвертой рамѣ изображены двѣ мужескія фигуры въ длинныхъ туникахъ и хламидахъ сѣраго цвѣта; между ними пьедесталь въ видѣ алтаря; фигура, съ лѣвой стороны, держитъ въ рукѣ свертокъ. Въ нижнихъ четырехъ рамахъ видны четыре группы, каждая изъ четырехъ фигуръ. Въ двухъ первыхъ, съ лѣвой стороны, представлены идущія женщины совершенно въ одинаковомъ положеніи и въ одинаковыхъ одеждахъ, т. е. въ длинныхъ туникахъ, покрывалахъ и пеплумахъ различныхъ цвѣтовъ: желтаго, синяго, розоваго, лиловаго. — Въ двухъ рамахъ, съ правой стороны, видно повтореніе одного и того же изображенія — четыре идущія мужескія фигуры въ туникахъ, хламидахъ, исподнихъ и полусапожкахъ: одежда фигуръ различается только цвѣтомъ. У перваго мужчины, какъ и у остальныхъ трехъ, хламида спущена съ праваго плеча; правая рука его протянута къ зрителямъ; у слѣдующихъ двухъ фигуръ правая рука прижата къ груди. Четвертая мужеская фигура этой группы имѣетъ въ правой рукѣ палицу.—

Рис. IX.

Здѣсь такъ же какъ и на предъидущихъ стѣнахъ, рисунки, раздѣленные четырмя колоннами, составляютъ вверху три отдѣльныя группы. Въ первой изображена сидящая въ креслѣ женщина, въ длинной туни-

кѣ краснаго цвѣта и въ желтомъ покрывалѣ, спущенномъ съ лѣваго плеча: въ лѣвой приподнятой рукѣ она держитъ сосудъ въ намѣреніи поднести его къ устамъ; подъ ногами женщины табуретъ; за нею двѣ прислужницы въ такой же одеждѣ, какъ и тѣ, которыхъ мы встрѣчали уже въ предъидущихъ рисункахъ: одна изъ прислужницъ несетъ наполненный сосудъ. Предъ сидящею женщиною стоитъ ваза: у самой вазы, справа, находится мужчина въ красномъ исподнемъ платьѣ, въ зеленомъ плащѣ и желтой туникѣ; пальцемъ правой руки онъ указываетъ на небо, и какъ будто уговариваетъ сидящую женщину испить изъ сосуда. За этою мужскою фигурою стоитъ мальчикъ съ розовою повязкою на плечѣ и въ желтой туникѣ; въ правой рукѣ онъ держитъ кошелекъ. Въ другой группѣ, также сидящая женщина въ туникѣ желтаго и въ покрывалѣ зеленаго цвѣта; за нею прислужница, несущая въ обѣихъ рукахъ наполненный сосудъ. — Предъ сидящею женщиною мужчина, опирающійся правою рукою на палку, въ желтой туникѣ, съ накинутымъ на плечи зеленымъ плащемъ: — далѣе мальчикъ въ туникѣ, держащійся правою рукою за плащъ мужчины. Въ третьей группѣ два сражающіеся гладіатора: этотъ сюжетъ былъ уже изображенъ на первой стѣнѣ сей комнаты.

Внизу два круга краснаго цвѣта и зеленый квадратикъ.

Рис. XII.

ПОТОЛОКЪ.

Потолокъ этой комнаты не имѣетъ фриза и во всемъ сходенъ съ первымъ потолкомъ.

ГЛАВА VII.

Изъясненіе рисунковъ 1-й комнаты.

Рис. III.

ЧАСТЬ ВЕРХНЯЯ.

Сидящая женщина съ чашею въ правой рукѣ представляетъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, скорбящую жену покойника, готовую принять ядъ и такимъ образомъ принести себя въ жертву богамъ ада, по обычаю кавказскихъ народовъ, жены которыхъ, по смерти своихъ мужей, лишали себя жизни. Въ этомъ случаѣ Меркурій, стоящій за женщиною, ожидаетъ ея душу, чтобъ отвести ее въ Эребъ, гдѣ она должна соединиться съ душею своего мужа. Предъ сидящею женщиною стоитъ другая женщина съ простертыми руками: полуоткрытыя губы, особенно выраженіе лица показываютъ, что сія послѣдняя старается отвратить первую отъ самоубійства. На правой сторонѣ стѣны видна таже женская фигура за столомъ: она съ родственникомъ правитъ поминки по мужѣ (а); возлѣ нея стоитъ вѣточка кунжута (sésame) растенія, употреблявшагося въ священныхъ обрядахъ. За пирующими канделабръ и надъ нимъ лампада, въ которую прислужникъ наливаетъ масло. Канделабръ съ лампадою въ этомъ мѣстѣ можетъ означать, что дѣйствіе происходитъ ночью. Три музыканта, составляющіе отдѣльную группу, непринадлежащую къ похоронамъ, находятся въ разныхъ положеніяхъ, и, какъ кажется, настраиваютъ свои инструменты для игранія на пиршествѣ послѣ похоронъ,

---

(а) Здѣсь неизлишне будетъ упомянуть о разныхъ обыкновеніяхъ Грековъ относительно трапезы. Имъ извѣстны были разные роды пироговъ и сластей, между которыми замѣчательны плакунты и трагемата, родъ французскаго blanc manger. Кушанья приправлялись горчицею, тминомъ, перцомъ, хрѣномъ и другими растеніями, которыхъ острый вкусъ возбуждалъ аппетитъ. — Греки также употребляли разнаго рода хлѣбъ: изъ пшена, ржи, риса, кунжута и хлѣбъ, называвшійся *олира*, которымъ, по словамъ Гомера, троянскіе воины кормили своихъ коней. Ячменный хлѣбъ назывался *маза*, а пшеничный *артосъ*; мука ячменная, которою молодыя канефоры пудрили свои волосы, называлась *алфитонъ*; мука пшеничная — *алевронъ*. Вообще приготовленіе тѣста имѣло различныя названія: непросѣянная мука извѣстна подъ именемъ *синкомистосъ*; просѣянная—*семидалисъ;* просѣянная чрезъ самое тонкое сито — *кресара*. Пшеничный хлѣбъ подавали на столъ на подстилкѣ изъ зеленыхъ листьевъ. Греки салфетокъ не употребляли, но вмѣсто нихъ подавались куски самаго свѣжаго и только что испеченнаго хлѣба, (апомигдаліи) который служилъ для вытиранія пальцевъ: эти оригинальныя салфетки бросались послѣ подъ столъ и ими кормились домашнія животныя.

во время жертвоприношеній въ честь покойника: музыканты эти были чѣмъ-то въ родѣ запѣвалъ, управлявшихъ похоронными пѣніемъ (a). По сходству фресковъ нашихъ съ подобными древними изображеніями, можно бы заключить, что осѣдланная лошадь назначена для перевоза души усопшаго; но я думаю, что это изображеніе не относится къ группамъ верхняго рисунка, а принадлежитъ къ погребальному шествію, представленному въ нижней части картины, гдѣ не было болѣе мѣста для изображенія лошади и другихъ лицъ, которыя, по той же причинѣ, показаны на отдѣльныхъ мѣстахъ. Лошадь вообще почиталась вѣрнымъ и неизмѣннымъ товарищемъ человѣка въ сраженіяхъ и во всѣхъ его военныхъ подвигахъ: она занимала почетное мѣсто въ погребеніи Александра и многихъ другихъ римскихъ мужей. Нельзя не воспомнить, что въ наше время также существуетъ обыкновеніе, при погребеніи военныхъ, вести за гробомъ ихъ верховыхъ лошадей. —

ЧАСТЬ НИЖНЯЯ.

Здѣсь изображены похороны того лица, останки котораго покоились въ катакомбѣ. Четырнадцать молодыхъ людей несутъ подъ балдахиномъ гробъ (b); предъ нимъ музыканты; — за гробомъ идутъ мужчины (c); послѣ нихъ слѣдовали женщины, но по недостатку мѣста, или по произволу художника, онѣ показаны въ другомъ мѣстѣ. У изголовья покойника стоитъ женская фигура, а у ногъ мужская: онѣ какъ будто поддерживаютъ тѣло; обязанность этихъ лицъ состояла въ томъ, чтобъ отгонять мухъ отъ усопшаго и удалять всякіе непріятные случаи, могущіе встрѣтиться во время погребальнаго шествія (d). —

Рис. IV.

ЧАСТЬ ВЕРХНЯЯ.

Фигура, лежащая на ложѣ (e) съ виноградною кистью въ правой рукѣ, представляетъ лице покойника. О цѣлебномъ свойствѣ винограда древніе отзываются съ большою похвалою. Еслибы я не опасался чужихъ возраженій и собственныхъ ошибокъ, то заключилъ бы, что лежащая фу-

---

(a) Музыканты, игравшіе на трубахъ и флейтахъ во время жертвоприношеній, обыкновенно были люди пріятной наружности, и старались своими шутками развеселять скорбящихъ. Средній между тремя музыкантами играетъ на свирѣли (syringa).

(b) Древніе во время торжествъ носили зонтики. Ученые геркуланской Академіи замѣтили въ помпейскихъ рисункахъ, что мужчины, въ торжественныхъ случаяхъ, вмѣсто зонтиковъ имѣли въ рукахъ большіе древесные листья. Употребленіе балдахиновъ надъ гробами знатныхъ особъ восходитъ до глубокой древности.

(c) Погребальныя шествія и другаго рода торжества состояли обыкновенно изъ многочисленнаго собранія народа, называвшагося *бандиторе* Rosin. Antiq. Rom. de Funer, lib. v. cap. XXXIX p. 625).

(d) *In eo lecto posita erat statua Pertinacis cerea ornata triumphali, a qua puer egregiae formae, ita ut si dormiret Pertinax, pennis pavonis muscas abigebat*, Kirchmann, de Funeribus Rom. lib. 1 cap. XII.

(e) Ложе это принадлежитъ къ односпальнымъ одрамъ, называвшимся *клинидіонъ*, Поллуксъ VI-9.

гура есть больной, который прибѣгаетъ наконецъ къ врачебной силѣ винограда. Но къ чему гипотезы тогда, какъ намъ извѣстно, что всѣ почти живописныя изображенія древнихъ, болѣе или менѣе относятся къ богослуженію Вакха, господствовавшему въ погребальныхъ обрядахъ пантикапейскихъ Грековъ. Виноградныя лозы, которыми увѣнчано верхнее отдѣленіе рисунка, суть символъ Вакха, бога винодѣлія. Символъ этотъ связанъ съ другими дѣйствіями, относящимися къ религіознымъ таинствамъ и переходу душъ, о чемъ говоритъ Платонъ, Плутархъ и Пиндаръ. Три вѣточки гранатоваго дерева, на которыхъ видно начатіе, развитіе и созрѣніе плода, посвящены Вакху или иначе Діонисію, также какъ и павлины и четыре личины Фавновъ, украшающія карнизъ этой стѣны. Растенія, цвѣты (a) и виноградъ напоминаютъ вообще о жизни, въ которую переходитъ душа покойника, по смерти тѣла (b). Руфинъ пишетъ, что корзина съ фруктами, поставленная на голову Сераписа означаетъ, что жизнь смертныхъ поддерживается плодами, получаемыми отъ земли. Объясненіе это вообще доказываетъ, что растенія, представленныя въ гробницахъ древнихъ, суть символы жизни за могилою. Въ этрусскихъ гробницахъ мы находимъ изображенія людей, сидящихъ за трапезою, а подъ ними разныя растенія; въ римскихъ гробницахъ также открыты украшенія изъ разныхъ плодовъ и растеній, соединенныхъ въ гирлянды и фестоны.

Личина посреди гранатовыхъ вѣточекъ съ открытымъ ртомъ, представляетъ образъ покойника; въ главѣ о разныхъ изображеніяхъ на древнихъ гробничныхъ памятникахъ, я уже объяснилъ значеніе личинъ и потому считаю излишнимъ обременять читателей повтореніями. —

На столѣ возлѣ лежащей фигуры стоитъ священный пирогъ, который по фигурѣ своей назывался *клубокъ шерсти:* glomas, и употреблялся въ таинствахъ Вакха (c).

Прислужникъ (d), стоя у изголовья покойника, подноситъ къ устамъ его амврозію, которая въ этомъ случаѣ есть символъ сладостной жизни, вкушаемой душею праведника (e). Женскія и мужскія фигуры, окружающія покойника, должно признать за друзей его, родственниковъ и слугъ. У всѣхъ женщинъ на головѣ палліумъ, точно такъ какъ у римскихъ дамъ, присутствовавшихъ на пирахъ и торжествахъ. На многихъ памят-

---

(a) Цвѣты эти бросали па могилу при погребеніи; или ставили на курганѣ при ежегодныхъ поминкахъ. Gori, mus. Etr, Tom. III. p. 177.

(b) Rufin. Hist. Eccl. lib. II. cap. 23 p. 100.

(c) Clem. Alex. cohort. ad gentes, Tom. I. p. 190.

(d) Римляне называли этихъ прислужниковъ poculatores, отъ обязанности ихъ наполнять чаши во время пиршествъ; pocula offerentes Apul. metam. lib. 11. p. 331.

(e) Нектаръ очищенный (Macrob. cap. XII. p. 62). былъ напитокъ боговъ; та же часть его, которая не была очищена, служила напиткомъ для усопшихъ.

никахъ древности изображены лица различныхъ половъ и возрастовъ, присутствующія при смерти друга, или родственника: всѣ эти лица, обыкновенно, имѣютъ видъ смятенія, горести и скорби. Къ этому роду картинъ отношу я всѣ фигуры нашей катакомбы, неимѣющія тѣхъ аттрибутовъ, которые изображались обыкновенно для того, чтобъ объяснить представляемый сюжетъ (a). Женщина въ траурномъ бѣломъ пеплумѣ (b), сидящая въ большомъ креслѣ есть, вѣроятно, жена покойника: это достаточно объясняется ея сложенными руками, печальнымъ и скорбнымъ лицемъ. Оканчивая описаніе верхняго отдѣленія этой стѣны, мнѣ остается сказать кое-что о масличной вѣточкѣ, видимой съ правой стороны, за послѣднею мужескою фигурою: вотъ что я думаю объ этомъ предметѣ. Во время молитвы Греки держали въ рукахъ масличную вѣтвь, которая называлась Θαλλὸς: они думали, что олива — символъ мира — удаляла всякое зло; поэтому я полагаю, что масличная вѣтвь, въ этомъ случаѣ, есть символъ спокойствія, испрашиваемаго у боговъ для усопшаго.

ЧАСТЬ НИЖНЯЯ.

Похороны знатныхъ особъ въ древности были сопровождаемы разными играми, охотою и битвами, въ слѣдствіе вѣрованія древнихъ, что покойники занимаются тѣмъ въ другомъ мірѣ, чѣмъ они занимались во время жизни. Сраженіе, здѣсь изображенное, имѣетъ такое же значеніе, какъ вообще всѣ сраженія Амазонокъ съ Греками, представленныя на древнихъ вазахъ и стѣнахъ гробницъ, о чемъ я уже говорилъ. На нашемъ рисункѣ, съ лѣвой стороны, видны жители Пантикапеи и римскіе рыцари въ схваткѣ съ своими сосѣдями, обитателями Кавказа или Грузіи, которыхъ жены, подобно Амазонкамъ, отправлялись на войну.

Рис. V.

ЧАСТЬ ВЕРХНЯЯ.

На этой стѣнѣ, въ трехъ картинахъ, изображено похищеніе Прозерпины: это одинъ изъ сюжетовъ, чаще всего встрѣчаемый въ живописныхъ и скульптурныхъ произведеніяхъ древнихъ (c). Ученый Висконти говоритъ, что такаго рода русунки изображались на гробницахъ молодыхъ женщинъ и похищеніе Прозерпины Плутономъ было символомъ

(a) Художники изображали иногда фигуры единственно для того, чтобъ наполнить пустыя мѣста. — Guattani, memorie Enciclopediche, sulle belle arti, antichità etc.

(b) Древніе Греки и Римляне, во время траура, носили черное платье. Dion. Halic. A. R. lib 8. c. 39. Tom. I. p. 492. Этотъ обычай существовалъ во время Гомера; такъ по смерти Патрокла Өетида облеклась въ черный плащъ, Iliad. lib. ult 94 Это измѣнилось подъ владычествомъ римскихъ Императоровъ; женщины носили во время траура бѣлое платье, а мужчины — черное Porphyr. de Antr. Nymph. p. 122.

(c) Vis. mus, P. Clem. T. v. p. 33.

ихъ ранней смерти; философъ же Саллустій (a) утверждаетъ, что этотъ символъ объяснялъ сошествіе душъ въ адъ; однако, кажется, что ни первое, ни второе мнѣніе, не согласуются съ настоящимъ смысломъ нашего фреска.

Попеченіе о будущей жизни усопшихъ, по вѣрованію язычниковъ, предоставлено было Вакху и Прозерпинѣ: соединеніе этихъ двухъ божествъ было необходимо для вѣчнаго блаженства душъ. Это соединеніе выражалось въ таинствахъ священнымъ бракомъ (b). Плутонъ вообще почитаемъ былъ, какъ божество страшное; — посвященные же въ таинства религіи считали его богомъ милостивымъ, снисходительнымъ и нераздѣльнымъ отъ Вакха. Діодоръ говоритъ (c), что сначала Діонисій (Вакхъ) — верховное божество ада — смѣшиваемъ былъ съ Озирисомъ, котораго также принимали за Плутона. Это первоначальное мнѣніе о происхожденіи Вакха сохранялось постоянно въ правилахъ о посвященіи (d). То-же самое можно сказать и на счетъ Прозерпины, которую часто почитали Психеею (e); профаны приписывали ей нравъ грозный, а посвященные находили въ ней богиню благодѣтельную и давали ей, какъ подругѣ Діонисія, имя Либеры и даже Аріадны. Усыпленіе Аріадны и пробужденіе ея въ объятіяхъ Вакха служило изъясненіемъ мысли о переходѣ души отъ временнаго къ вѣчному бытію: живопись, украшавшая могилу семейства Назоновъ, а также и фрески нашей катакомбы выражаютъ эту же самую идею. Однажды Прозерпина, прогуливаясь въ саду, рвала цвѣты для того чтобъ сплести себѣ вѣнокъ на голову; вдругъ является Плутонъ и насильственно увозитъ Прозерпину на колесницѣ, влекомой четырмя конями. Младая дѣва отворачивается отъ своего похитителя, рветъ на себѣ волосы и предается совершенному отчаянію. Фрескъ нашей катакомбы вполнѣ соотвѣтствуетъ этому описанію: въ первой картинѣ Прозерпина уходитъ отъ Плутона ее преслѣдующаго; въ бѣгствѣ своемъ она опрокинула одинъ изъ горшковъ съ цвѣтами; въ другой картинѣ она находится уже въ объятіяхъ Плутона на колесницѣ запряженной тремя конями (f): волоса Прозерпины распущены и лице ея выражаетъ совершенное отчаяніе. —

Въ третьей картинѣ представлена Церера съ факеломъ въ правой рукѣ, отправляющаяся въ адъ отыскивать похищенную дочь. Жилище

(a) Sallust. de Diis e mundo cap. IV.

(b) Фреретъ, диссертація о служеніи Вакху л. 253 въ XXIII. томѣ записокъ парижской Академіи надписей.

(c) II. л. 17 и 29.

(d) Замѣчаніе Крейцера о Діонисіѣ, л 237.

(e) Опытъ о Этрускахъ, Янелли, л. 24.

(f) Плутонъ, по мнѣнію Сенеки, имѣетъ видъ Юпитера; скипетръ его долженъ состоятъ изъ длинной палицы: все это совершенно сходно съ нашимъ рисункомъ.

Плутона, по мнѣнію поэтовъ, находилось въ глубомъ мракѣ: вотъ почему Церера представлена съ факеломъ. Живописецъ нарисовалъ у ногъ ея свинью (truie), пожирающую овесъ; животное это, вредящее посѣвамъ, приносимо было въ жертву богинѣ земледѣлія. Колесница властителя ада запряжена тройкою; Изидоръ въ 18-й книгѣ о происхожденіяхъ пишетъ, что тройки посвящены были Плутону. Я думаю что обычай ѣздить тройкою, принадлежавшій древнимъ жителямъ Кавказа, со временемъ перешелъ и къ намъ въ Россію.

Въ нижнемъ отдѣленіи представлена охота.

Рис. VI.

Съ лѣвой стороны дверей видна лежащая фигура, изображенная уже на второй стѣнѣ р. IV; поднятая рука фигуры позволяетъ предполагать, что она произноситъ какой нибудь обѣтъ или старается умилостивить разгнѣванное божество. За лежащимъ изображеніемъ стоитъ его слуга, который повторяетъ слова своего страждущаго господина: оба они, какъ кажется, испрашиваютъ у боговъ здоровья. Женщина въ креслѣ, сидящая у постели больнаго есть, вѣроятно, родственница или жена его: она принесла ему въ сосудѣ, видимомъ въ рукахъ прислужницы, какой нибудь цѣлебный напитокъ. Маленькая фигура въ ногахъ у больнаго есть, вѣроятно, Парка Немезида (а) или какое нибудь другое божество ада.

Съ правой стороны дверей изображена на скамьѣ сидящая женщина въ такой точно одеждѣ, какъ и та, которая находится у постели больнаго. По сходству костюмовъ нельзя заключать объ тождествѣ фигуръ, потому что одежда вообще зависѣла отъ произвола живописца. Я принимаю эту сидящую фигуру за ту самую Парку Немезиду, которая сидитъ въ ногахъ у больнаго; жена или родственница сего послѣдняго приходитъ, въ сопровожденіи Меркурія, къ грозной богинѣ и молитъ ее пощадить жизнь страждущаго.

Намъ очень часто случалось находить на древнихъ греческихъ вазахъ, сохранившихся въ пантикапейскихъ гробницахъ, изображеніе воина, поражающаго Грифона: смыслъ этого рисунка связанъ съ персидскимъ миѳомъ о войнѣ Аримасповъ съ Грифонами.

Рис. VII.

Потолокъ покрытъ изображеніями личинъ, фигуръ, зернами и гранатовыми плодами; по срединѣ его, точно такъ какъ на потолкѣ одной

(а) Слѣды языческихъ вѣрованій сохранились до нашихъ временъ: такъ нынѣшніе Греки вѣрятъ въ существованіе Паркъ и даютъ имъ ихъ древнее названіе.

изъ Египетскихъ гробницъ (а) изображенъ летящій гусь — эмблема переселенія душъ. Кромѣ того, на потолкѣ видны два голубя, которые относились къ богослуженію Венеры Либитины. Наконецъ два круга, изображенные по сторонамъ, могутъ означать луну и солнце.

(а) Rosellini, monumenti civili, atlas, Tav. LXXII. N-23.

Вторая комната.

Рис. VIII.

Содержаніе фресковъ второй комнаты тѣсно связано съ смысломъ изображеній перваго отдѣленія.

На этой стѣнѣ видны три гладіатора: два изъ нихъ, стоящіе по сторонамъ двери, вооружены и готовы вступить въ бой (a); третій поражаетъ трезубцемъ тигра.

Молодой мужчина съ кошелькомъ въ лѣвой и съ повязкою на правой рукѣ, назначенъ для уплаты вообще всѣхъ погребальныхъ издержекъ.

Два ниша служили для храненія разныхъ вещей, которыя, вѣроятно, были погребены съ покойникомъ. — Горящая на канделабрѣ лампада есть символъ будущей жизни, обѣщанной посвященнымъ въ таинства религіи; съ этою цѣлью ставили въ гробницы лампады и поддерживали въ нихъ огонь. Изображенный здѣсь прислужникъ съ сосудомъ въ рукахъ идетъ къ лампѣ, чтобы наполнить ее масломъ.

Два квадрата — зеленный и красный — ничего не означаютъ: они изображены только для замѣщенія пустаго мѣста.

Рис. IX.

На этой стѣнѣ, между колоннами, изображены три отдѣльныя группы; первыя двѣ относятся къ частной жизни Пантикапеянъ, третья же представляетъ двухъ сражающихся гладіаторовъ. Сидящая здѣсь въ креслахъ женщина есть та самая, которая встрѣчается на стѣнѣ первой комнаты. — Въ первой группѣ жена покойника подноситъ одному изъ главныхъ лицъ, распоряжавшихъ погребальнымъ пиршествомъ, чашу съ напиткомъ, который, сообразно правиламъ богослуженія древнихъ, употреблялся на пирахъ. Стоящая у ногъ женщины ваза служила для священныхъ возліяній; возлѣ главнаго распорядителя пиршествомъ находится казначей съ кошелькомъ въ правой рукѣ и съ повязкою на лѣвомъ плечѣ: эти лица представляютъ женѣ покойника отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Главный распорядитель, не принимая еще подносимаго ему на-

(a) Въ лѣтописяхъ Рима мы находимъ, что правомъ имѣть гладіаторовъ при погребеніи пользовались только тѣ особы, которыя имѣли извѣстное состояніе. (Ros. antq. Rom. lib. v. cap. XXXIX p. 463—).

питка, указываетъ пальцемъ правой руки на небо и произноситъ похвальное слово въ честь покойника. Во второй группѣ таже жена усопшаго, сидя въ креслѣ, принимаетъ отчетъ отъ скорохода, которому также какъ и другимъ подносутъ чашу съ священнымъ напиткомъ.

Внизу два красные круга, а между ними зеленый квадратъ, не имѣющій никакаго значенія.

Рис. X.

Здѣсь изображены одни только гладіаторы. Въ первомъ отдѣленіи мужчина ведетъ воина на мѣсто битвы; предъ ними, въ другомъ отдѣленіи, гладіаторъ, вооруженный трезубцемъ, наблюдаетъ за ходомъ борьбы двухъ ратниковъ. Овальная вещь въ видѣ щита, стоящая предъ первымъ воиномъ, есть военная награда, которую давали отличившимся въ битвѣ (a). Два зеленые круга и розовый квадратъ не имѣютъ никакаго значенія.

Рис. XI.

На этой стѣнѣ, въ верхней части, всѣ сюжеты раздѣлены колоннами и каждый сюжетъ можетъ быть разсматриваемъ какъ выраженіе факта или идеи. Въ первомъ отдѣленіи два всадника означаютъ приглашеніе на похоронныя игры; во второмъ, двѣ стоящія женщины съ прислужниками, представляютъ посѣщеніе скорбящей жены покойника римскими матронами; въ третьемъ, всадникъ съ дротикомъ въ правой рукѣ походитъ совершенно на фрескъ третьей стѣны первой комнаты (рис. V); въ четвертомъ — предъ алтаремъ въ бѣлыхъ одеждахъ двѣ фигуры; та изъ нихъ, которая держитъ свитокъ религіозныхъ стихотвореній, читавшихся во время стола, есть, вѣроятно ораторъ, готовящійся въ присутствіи родственниковъ покойника, произнесть въ честь его похвальную рѣчь. Внизу, въ другомъ отдѣленіи рисунка, восемь женщинъ и восемь мужчинъ, относящихся къ погребальному шествію (b); изображенные съ палками въ рукахъ мужчины представляютъ скороходовъ, шедшихъ предъ гробомъ; — обязанностью ихъ было разгонять толпу (c).

Рис. XII.

Потолокъ этой второй комнаты, кромѣ фриза, во всемъ сходенъ съ потолкомъ первой.

(a) Знаки сіи назывались Falere и носились на груди Giornale Arcadico di Roma, T. 84 — nella decade 17 del Borghesi, osservazione 10 pag. 235.

(b) Эти фигуры суть фунеры т. е. женщины, которыя, во время похоронъ древнихъ Римлянъ, оплакивали покойниковъ.

(c) Senec Epist. 123.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ особомъ сочиненіи моемъ о Керченскихъ древностяхъ, вошедшемъ, по распоряженію начальства, въ составъ описанія древностей Эрмитажа Его Величества, издаваемомъ подъ руководствомъ г. Жиля, я помѣстилъ очеркъ исторіи воспорскаго царства. Не излишнимъ почитаю сказать еще здѣсь нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ. Палеографическіе и нумизматическіе памятники, открытые въ Черноморіи и другихъ мѣстахъ таврической губерніи, богатство найденныхъ вещей, красота ихъ формъ и отдѣлки доказываютъ, что древніе обитатели Пантикапеи сдѣлали такіе успѣхи въ искуствахъ, которые показались бы намъ баснословными, если бы подлинность нашихъ открытій могла быть подвержена сомнѣнію.

Надписи и монеты всегда служили къ пополненію, исправленію и объясненію историческихъ свидѣтельствъ; онѣ принесли существенную пользу исторіи Воспора киммерійскаго: безъ нихъ, мы едвали бы имѣли понятіе о существованіи этого царства. Надпись царицы Комозаріи (объ ней я говорилъ уже въ главѣ о разныхъ изображеніяхъ на древнихъ гробничныхъ памятникахъ) есть первая, изъ которой мы узнали титулъ, присвоенный воспорскимъ царямъ; въ надписи сей сказано, что памятникъ, на которомъ она находилась, воздвигнутъ въ то время, когда Перисадъ былъ архонтомъ Воспора и Өеодосіи, царемъ Синдовъ, всѣхъ Мэотовъ и многихъ другихъ народовъ. Эта палеографическая находка, равно и нѣкоторыя другія, сдѣланныя въ Керчи, подтверждаютъ сказаніе Страбона (a) и Діодора (b), что со времени Спартака, наслѣдовавшаго археанактидамъ, до царствованія Асандра правленіе въ Воспорѣ было народное, и что самая большая власть въ царствѣ давала право на титулъ гегемона, этнарха, династа или тирана (c).

Въ 17-мъ году нашей эры, Асандръ, возведенный Августомъ на престолъ воспорскій, началъ именовать себя царемъ Воспора; если-же предшественники Асандра присвоивали себѣ титулъ царя, то это относилось только къ имъ подвластнымъ Синдамъ и Мэотамъ. Здѣсь, мнѣ кажется, кстати говорить о Синдахъ, народѣ мало еще извѣстномъ.

(a) Strab. L. XI. p. 758.
(b) Diod. L. XX. c. XXII. p. 421.
(c) Strab. L. VII. p. 476.

Въ 1829 году, возвращаясь изъ Анапы чрезъ бугазское гирло, мнѣ удалось пріобрѣсти отъ одного изъ черноморскихъ казаковъ серебряную, весьма любопытную, медаль, на которой съ правой стороны изображена голова Геркулеса, покрытая львиною кожею, а съ лѣвой, въ четвероугольномъ углубленіи, лошадиная голова съ надписью: ΣΙΝΔΩΝ, т. е. монета Синдовъ (а). Эта драгоцѣнная древность, прекрасно отдѣланная и отлично сохранившаяся, принадлежитъ Синдамъ, кавказскому племени, которое, по сказанію древнихъ географовъ, обитало на берегахъ Чернаго моря и на первыхъ возвышеніяхъ кавказскихъ горъ, т, е. близь Анапы, отъ устья Кубани до Суджукъ Кале — нынѣшняго укрѣпленія Новороссійска. Синды, должно думать, были народъ многочисленный: въ землѣ ихъ находилось нѣсколько греческихъ колоній, какъ то: Горгиппіа, Гермонасса, Апатурумъ, Синдскій Портъ и проч. и вѣроятно въ одномъ изъ городовъ сихъ выбита была найденная медаль. Воспорскіе цари и самъ великій Митрадатъ владѣли страною Синдовъ. Кажется, что въ промежутокъ 170 лѣтъ, который мало извѣстенъ, по недостатку вѣрныхъ объ немъ историческихъ свидѣтельствъ, могущество воспорскихъ государей весьма уменшилось. — Синды управлялись особенными государями; Поліенъ говоритъ объ одномъ изъ нихъ, называвшемся Гекатэ. Найденная медаль ведетъ къ заключенію, что гораздо прежде покоренія Синдовъ воспорскими государями, народъ сей имѣлъ собственное свое правленіе. Страбонъ (b) и другіе лѣтописцы смѣшиваютъ Синдовъ съ Мэотами; но Силаксъ очень основательно считаетъ ихъ народами совершенно различными, что и вполнѣ доказывается нашею монетою. Мэотами назывались собственно народы, обитавшіе по берегамъ озера Меотійскаго или близь его; древніе географы причисляютъ къ Мэотамъ Псессіевъ, Дашевъ, Темеоѳовъ, Тирамбовъ, Тарпетовъ, Обидиссеніенцевъ, Аспурговъ, Аришевъ, Цишевъ, и Дандаровъ (с). Народы эти, въ сущности, были не что иное, какъ отдѣльныя племена одного общаго корня; но всѣ въ совокупности составляли народъ многочисленный. Мэоты, жившіе на сѣверѣ, были подвластны знаменитому городу Танаису; прочіе же покорялись Воспору, коего владѣнія, по временамъ, распространялись до Танаиса (d).

Надобно замѣтить, что во всѣхъ почти древнихъ воспорскихъ надписяхъ, званіе начальника Воспора стоитъ выше званія царя Синдовъ,

---

(а) Монета эта, вмѣстѣ съ многими другими, отдана была покойному другу моему Стемпковскому, извѣстному своими трудами по части Археологіи. Медаль сія находится теперь въ эрмитажѣ Его Величества, куда поступилъ весь кабинетъ древностей Стемпковскаго. Извѣстіе объ этомъ открытіи помѣщено было въ Одесскомъ вѣстникѣ.

(b) St. L. XI. p. 757.

(c) Strab. L. XI. p. 757.

(d) Ptol. geog. L. V. c. 9. p. 13.

Мэотовъ и многихъ другихъ народовъ. Не трудно объяснить причину этого преимущества: архонты Воспора, какъ начальники народа образованнаго, котораго искуства и земледѣліе процвѣтали, пользовались у своихъ соотечественниковъ большимъ уваженіемъ; и потому титулъ архонта предпочитался званію царя грубыхъ Синдовъ и Мэотовъ, не смотря на то, что большая часть разнаго хлѣба, вывозимаго изъ Воспора, въ особенности изъ Пантикапеи, принадлежала жатвамъ сихъ послѣднихъ народовъ. Страна эта въ древности была очень плодородна. На монетахъ воспорскихъ часто видна голова быка — эмблема цвѣтущаго состоянія хлѣбопашества; несомнѣно также и то, что промышленность Грековъ заключала въ себѣ особую важность для правительства въ финансовомъ отношеніи. По свидѣтельству историковъ, самая блистательная эпоха Воспора, во всѣхъ отношеніяхъ, есть правленіе Левкона, архонта воспорскаго, царствовавшаго съ 393 по 354-й годъ до Р. Х. Демосѳенъ превозноситъ Левкона похвалами за его щедрость; Плутархъ относится объ о этомъ государѣ, какъ о человѣкѣ знаменитомъ по уму своему, а Діонъ, также какъ и Діодоръ говоритъ, что Левконъ царствовалъ сорокъ лѣтъ и принадлежалъ къ малому числу государей, которыхъ славная жизнь увѣнчалась глубокою старостью.

Въ Керченскомъ музеумѣ хранится мраморный обломокъ съ остаткомъ надписи: ΕΔΟΞΕΝ ΤΟΙΣ ΑΡΚΑΣΙΝ ΛΕΥΚΩΝΑ...... ΡΟΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΑΝ, то есть: угодно было Аркадійцамъ (почтить) Левкона...... пантикапей.... Строки эти, вѣроятно, составляли начало декрета Аркадійцевъ въ честь Левкона. Этотъ памятникъ есть одинъ изъ самыхъ древнихъ, найденныхъ въ развалинахъ Пантикапеи; нельзя не пожалѣть, что онъ дошелъ до насъ въ столь неполномъ и искаженномъ видѣ. Еслибы онъ уцѣлѣлъ, то, можетъ быть, открылъ бы намъ много очень важнаго относительно царствованія Левкона — этого знаменитаго вѣнценосца, доблести и ума котораго, равно и совершенное званіе въ дѣлахъ гражданскихъ, выхваляютъ всѣ древніе писатели. Какъ бы то нибыло, изъ этой надписи очень важной для исторіи Воспора, видно, что жители Пелопонеза были въ дружественныхъ связяхъ съ Левкономъ; они, можетъ быть, почтили его званіемъ своего гражданина, или въ честь его воздвигнули статую въ Аркадіи, за услуги оказанныя имъ этой странѣ. Извѣстно, что Аѳиняне признали Левкона своимъ гражданиномъ за то, что онъ благопріятствовалъ ихъ торговлѣ въ краѣ ему подвластномъ и отправлялъ къ нимъ значительное количество пшеницы, не требуя за нее пошлины, взымаемой съ хлѣба, вывозимаго къ другимъ народамъ. Услуга, оказанная Левкономъ Аркадійцамъ, можетъ быть такаго же рода, но прерванная надпись ничего не говоритъ объ этомъ. Всѣ эти свѣдѣнія служатъ дополненіемъ къ общей исторіи Воспора и доказываютъ, что

царство это ни мало не отставало отъ Грецiи, какъ въ художественномъ, такъ и въ промышленномъ отношенiи. О правильности и чистотѣ языка обитателей Воспора свидѣтельствуютъ найденныя надписи; изъ нихъ видно также, съ какимъ излiянiемъ чувствъ Пантикапеяне выражались о тѣхъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые заслугами своими прiобрѣли право на благодарность народа.

Эта живая, неложная оцѣнка благородныхъ подвиговъ можетъ, нѣкоторымъ образомъ, дать намъ понятiе о правахъ и характерѣ жителей Воспора. Излишне было бы доказывать, что царство Воспорское находилось на такой же степени образованiя, какъ и самая Грецiя. Человѣчество, въ своемъ непрестанномъ стремленiи къ совершествованiю, всегда пользуется опытомъ и мыслями исчезнувшихъ уже народовъ; на этомъ то основанiи и Воспоръ, не имѣвшiй собственнаго своего классическаго образованiя, развилъ и усвоилъ себѣ нравственные и художественные элементы, переданные ему его прародительницею Грецiею.

T. III.

ДОПОЛНЕНИЕ

къ изъясненію нижней части IV рисунка.

Въ Керченскомъ Музеумѣ хранится палеографическій памятникъ (a), найденный въ Черноморіи, въ которомъ сказано: Месторинпъ, сынъ Θенеса, посвятилъ эту статую Аполлону надъ могилою своего отца, послѣ присутствованія на играхъ, въ то время, когда Пэризадъ былъ начальникомъ Воспора и Θеодоссіи и царемъ Синдовъ и всѣхъ Меотовъ. Изъ этой надписи видно, что игры: бѣгъ на лошадяхъ, борьбы, сраженія были въ обыкновеніи на Воспорѣ въ 350 году до Р. Х., подобно тому какъ сдѣлано было на гробницѣ Патрокла во время Троянской войны (b).

a) Мраморный пьедесталъ, служившій подножіемъ статуи.

b) Игры эти были въ обыкновеніи у древнихъ Литовцевъ, Черкесами же исполняются и нынѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Стр.*	*Напечатано:*	*Читать:*
I.	24	То что неизвѣстно всегда почти кажется намъ превосходнымъ:	То, что неизвѣстно, почти всегда кажется намъ превосходнымъ:
II.	7	свѣденія	свѣдѣнія
„	13	составляющемъ	составляющихъ
„	18	свѣденіи	свѣдѣній
1	4	покойники почитаемы были какъ боги,	Построеніе гробницы было родомъ апоѳеозы, покойники почитаемы были, какъ боги,
„	(въ выноскѣ)	τόγαβος	χόμβος
2	7	впадины	впадины?
3	33	Этруріи; я	Этруріи. Я
9	6	имена	Имена
„	16	Іисусѣ	Іессѣ
10	5	свѣденій	свѣдѣній
11	15	посвящетъ	посвящаетъ
13	17	заключилась	заключалась
14	10	другія предметы	другіе предметы
„	16	маски шуты	маски, шуты
„	24-25	два черные крылатые генія	два черныхъ крылатыхъ генія
19	1	рисунокъ IV	рисунокъ III
20	17	исподніе	исподнее
21	8	играющему также	играющему, также
25	9	исподнее платье красное	красное исподнее платье
28	12	восполнить	вспомнить
30	20	мизни	жизни
„	29	русунки	рисунки
31	(въ выноскѣ)	парижской	Парижской
35	21	предъ алтаремъ въ бѣлыхъ одеждахъ двѣ фигуры	предъ алтаремъ, двѣ фигуры въ бѣлыхъ одеждахъ
37	10	подлинность	подлинность
38	14	въ одномъ изъ городовъ сихъ	въ одномъ изъ сихъ городовъ
39	16	объ о этомъ	объ этомъ
„	29	ума котораго, равно и совершенное званіе	умъ котораго, равно и совершенное знаніе
„	34	воздвигнули	воздвигли
„	40	свѣденія	свѣдѣнія

T. I.

A

B

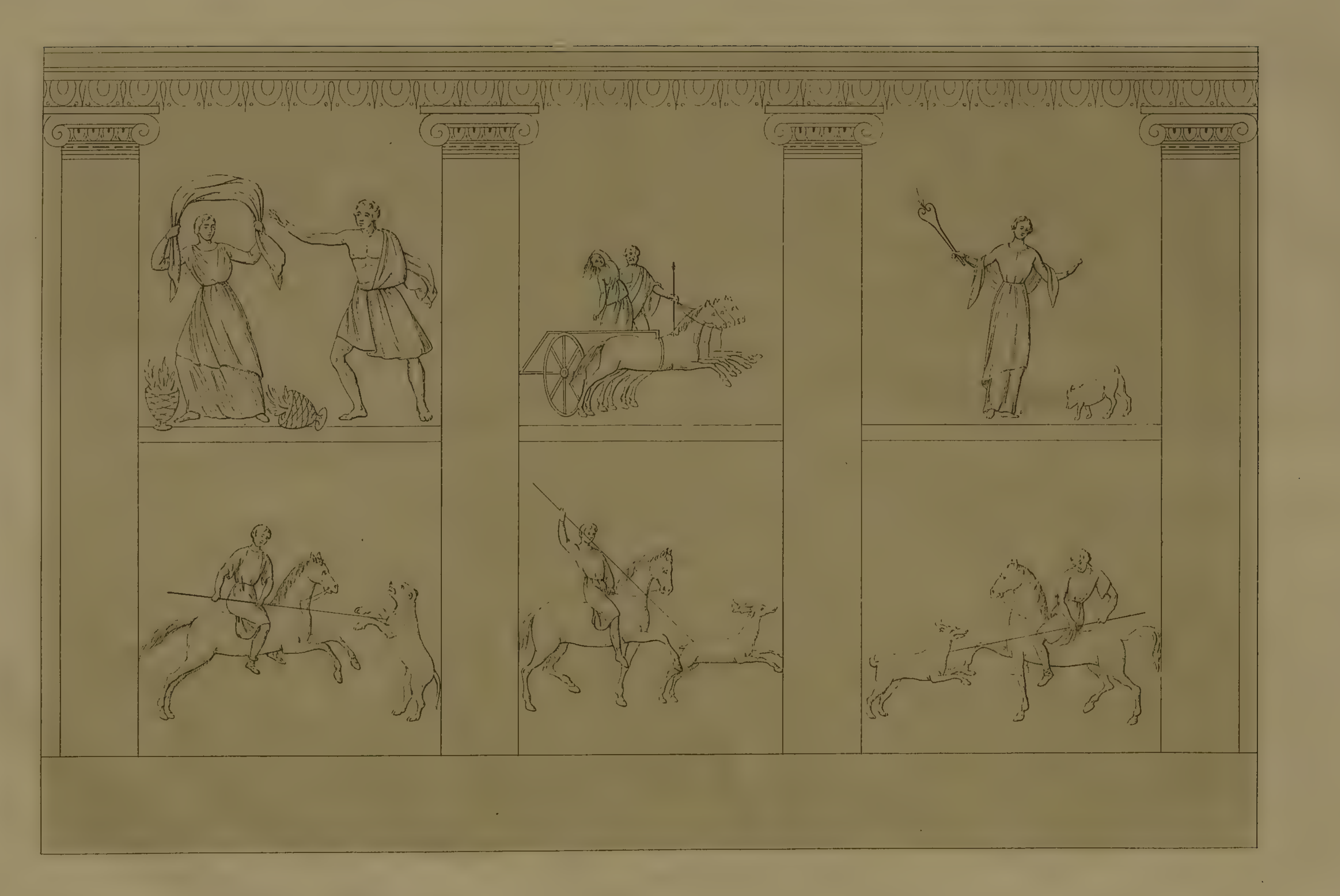
T. II.

A

B

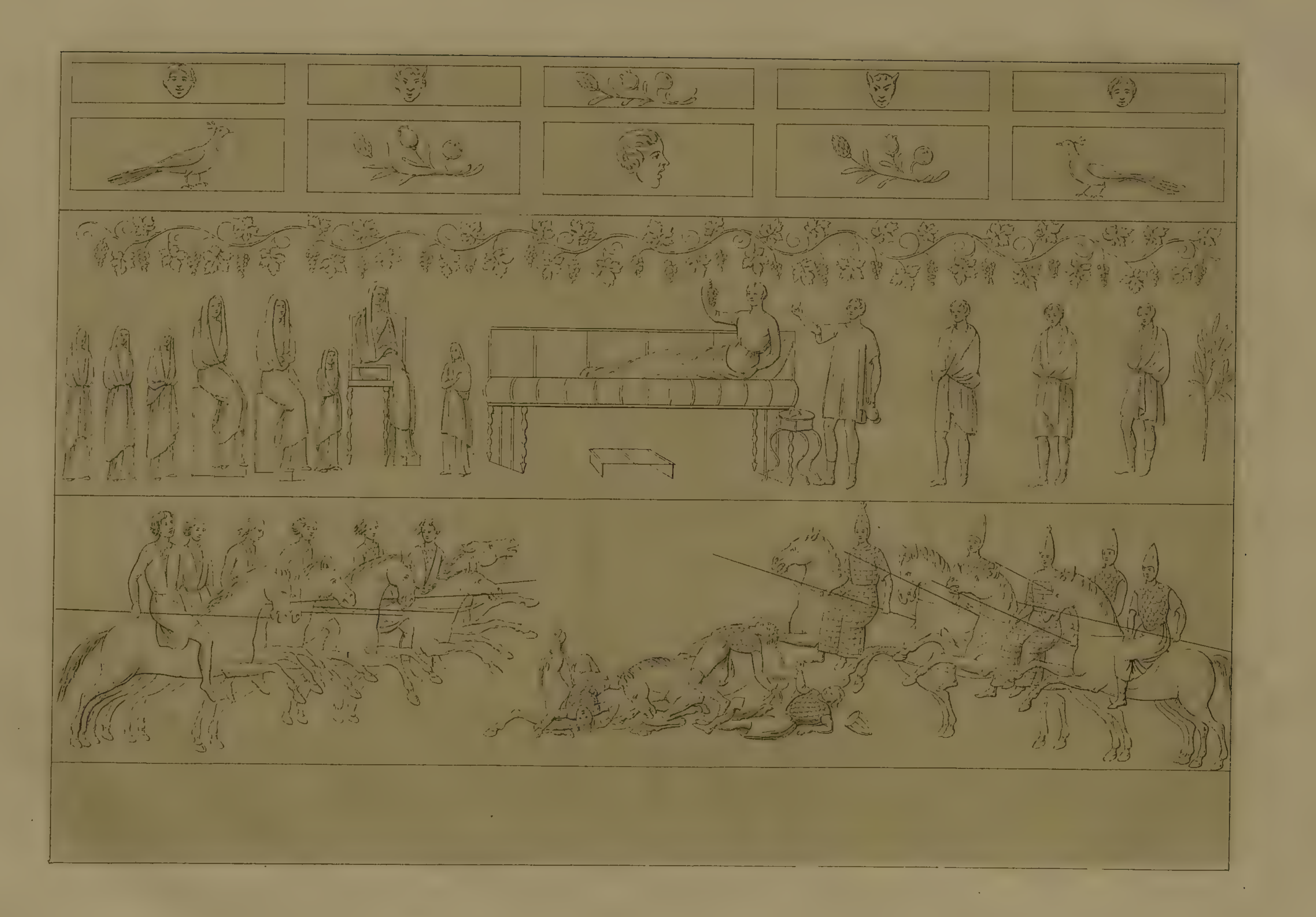
1

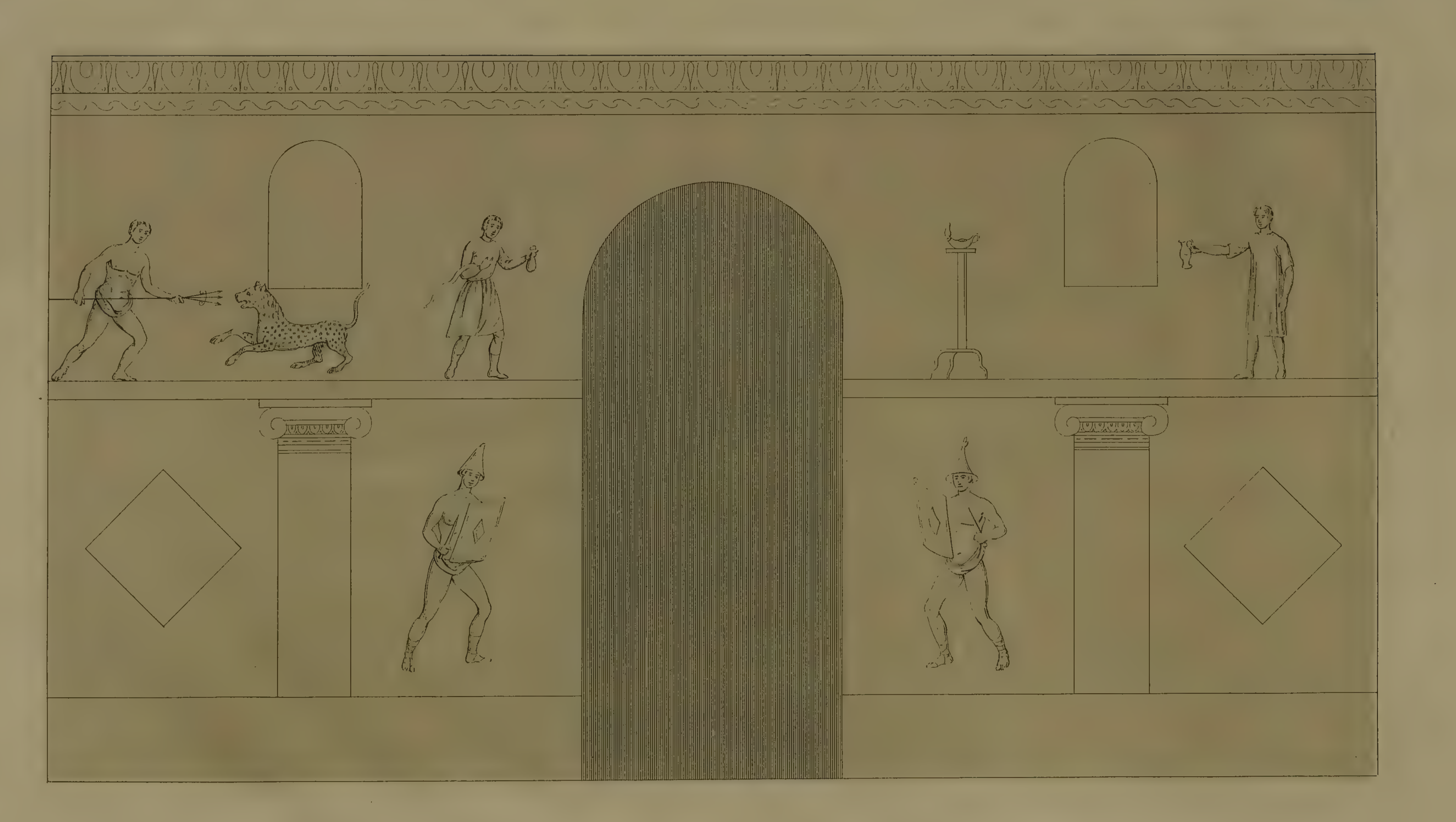
2 *сажени.*

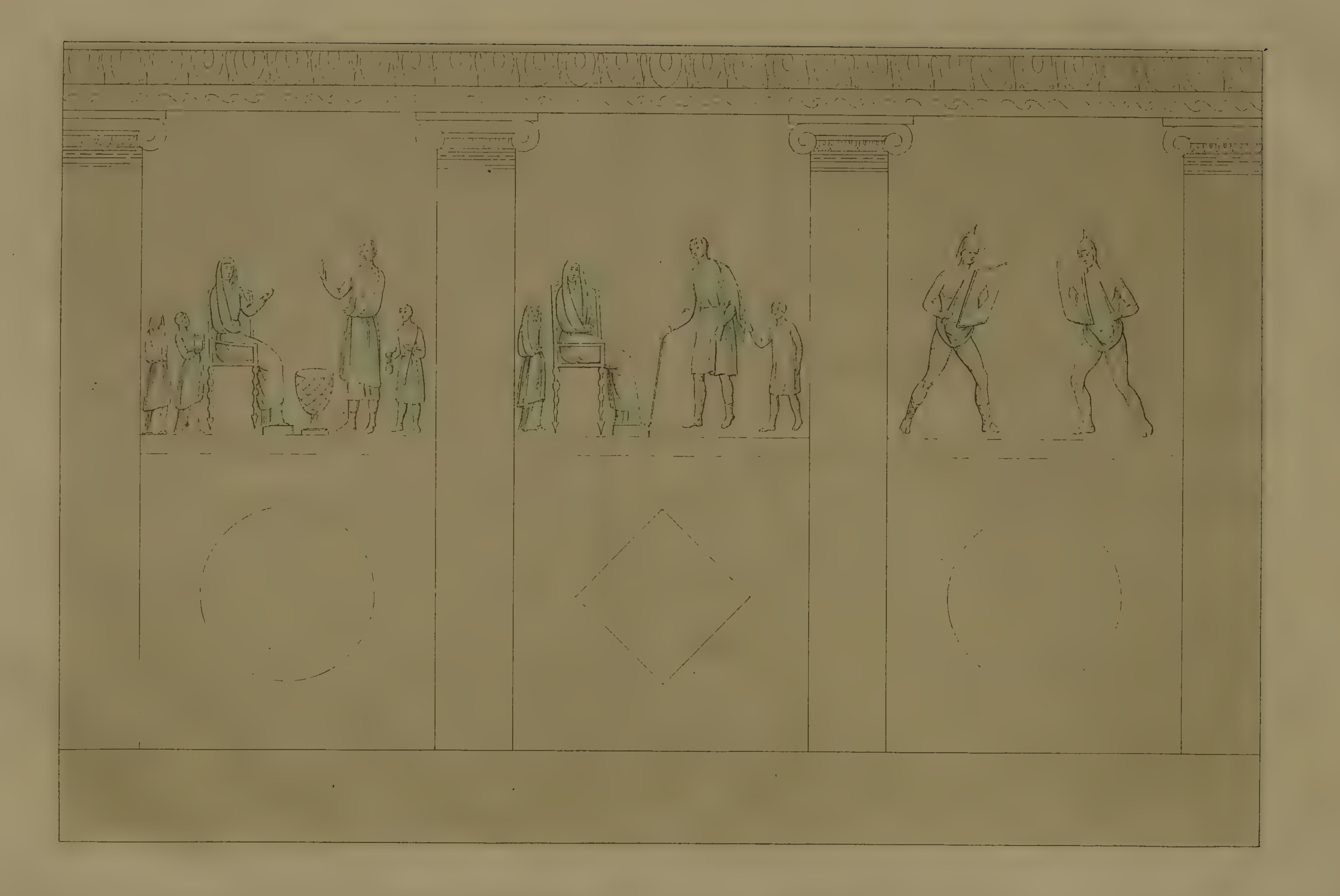

T. VI.

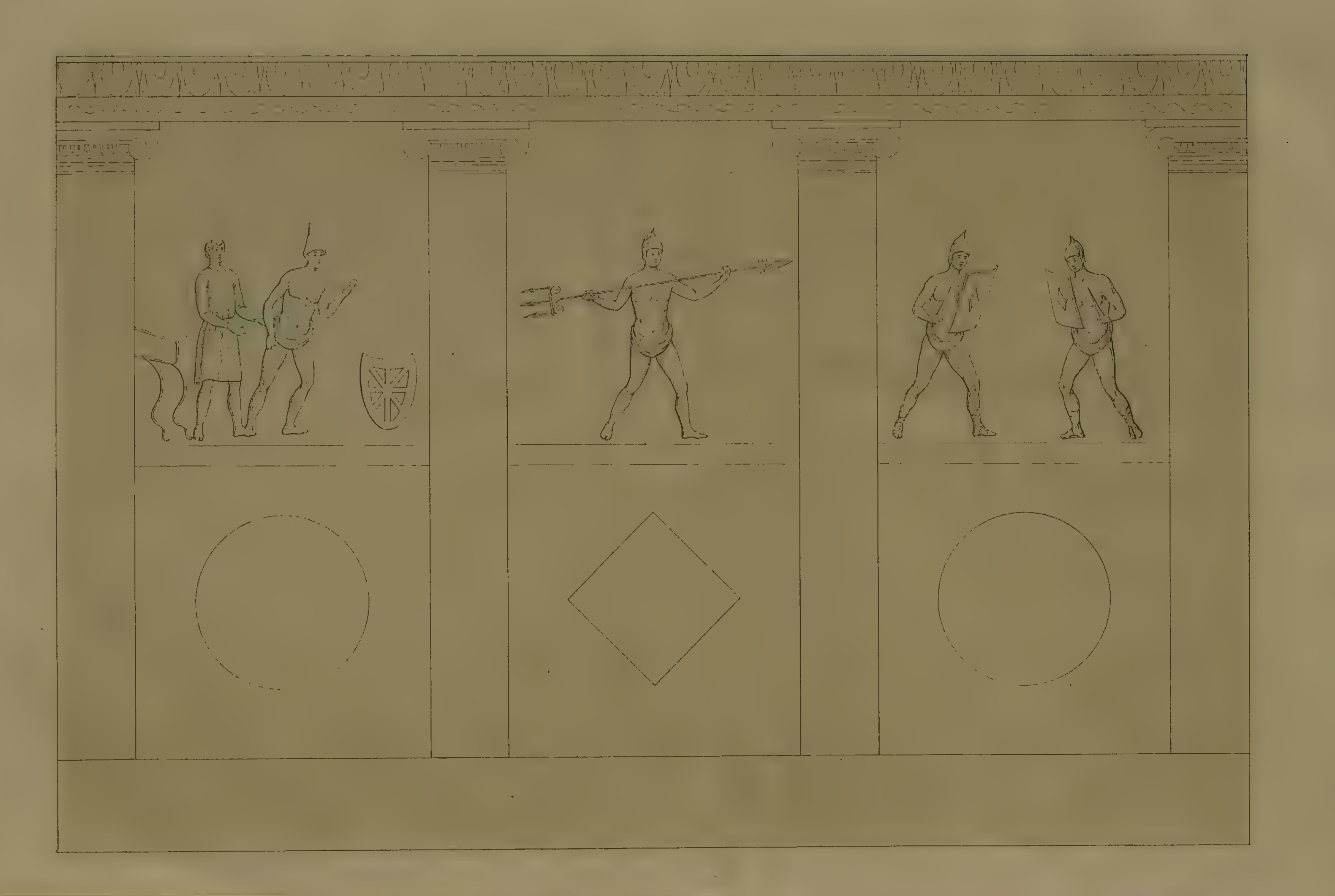
T.VII.

T. XI

T. XII.

